

СЕРГЕЙ ПЛАТОН

ИНГЛУБАГЛА

ISBN 978-5-91256-192-4

Сергей Платон

ИНГЛУБАГЛА

повесть

1

Инглу... что?

Язык сломаешь. Нет такого слова в русской речи, ни в одном словаре его не найти, ни в одном поисковике ничего даже близко похожего не отыщется. Зато биографии нескольких довольно милых и вполне себе реально существующих людей, обыкновенных обитателей одной незабываемой московской коммуналки, это нереальное слово существенно откорректировало.

Инглубагла. Потрясающее слово, сильное и завораживающее. В какие-то ну прямо колдовские оттенки окрашенное. Занозило оно мою память. Какое крепкое словцо: услышишь и поёжишься, до чего странный набор драматичных, неприветливых созвучий!

Звучал чудной неологизм откуда-то изнутри не менее странного существа, из уст, по сути, домашнего животного. Из бывшей старушки по имени Хася Пинхусовна. И ничего необычного тут нет, долго живущие люди часто

перерождаются в животных. А Хася жила уже неестественно долго, но всё не умирала, годами напролет бродя в жилищно-коммунальном пространстве из угла в угол, и бубня свою «инглубаглу» протяжным трубным звуком. Тяжким звуком, на вой похожим. Он ею не произносился, а именно выстанывался без участия губ, выдыхался в самые неожиданные моменты.

2

Хася Пинхусовна походила на зонтик; этакий тряпичный зонтик с деревянной ручкой, оставленный в прихожей лет сто тому назад.

Естественно, душевнобольная и почти слепая, безжалостно измученная временем, но не добитая, а замумифицированная живьем, старуха с утра и до утра завывала неимоверно низким голосом, неизвестно каким образом рождающемся в ее тряпично-деревянном, давно засохшем тельце. Тема завываний – какие-то «люди» пополам с «инглубаглой». Именно эти два слова чаще всего повторялись ею на все лады.

Хлипкое сообщество моих малознакомых приятелей, молодых арбатских коммуналов, относительно беззаботно населяющее семикомнатную квартиру, с какой-то стати

присвоило однажды своему домашнему существу более понятное имя – Евгения Петровна.

Хорошие ребята. Каждый ежедневно оставлял на задрипанном хасином столике в кухне какую-нибудь еду. Этим она и питалась. Из кухонного крана тонкой струйкой всегда текла вода, поскольку существо умело пить только оттуда, а вот открывать или закрывать воду уже не умело. Совершенно непонятно, когда же оно спало, да и спало ли вообще.

Днем и ночью Хася бродила в потрясающих пространствах коммунального коридора.

Вот это площади! Если сложить все оставшиеся метры комнат, огромной кухни, вместительных кладовок и двух туалетов – едва ли наберется половина!

Коридорище действительно напоминал городскую площадь. К потолочному небу тянулись живописные фасады разнокалиберных дверей и полуразвалившихся шкафов, стройную перспективу прорезали узкие переулки и магистральные кухонно-туалетные проспекты. Экстерьер дополнялся естественными для любого города архитектурными излишествами: вечными рядами пыльных шкафчиков, крохотных полочек, эмалированных тазов и цинковых корыт. Не обошлось и без памятников. Один из углов занимали большие напольные часы с остановившимся маятником, а в утренних

потемках можно было наткнуться на карликовую мраморную колонну или на бамбуковую этажерку с древним телефоном, либо же споткнуться об останки большого кованого сундука.

В комнатах располагались дома беспрописочного народа, а проще говоря – временное жильё хорошего, совсем еще недавно провинциального, но теперь-то уже навсегда мАсковского, богемно-лоботрясного племени.

Эти тоже затесались в память. Хоть виделись мы редко, а не забыть их никогда. Вот они – видны, как миленькие. Все семеро, как на ладони, на своей просторной жилплощади.

В тихой заводи у первого туалета жила лирическая пара попугайчиков-неразлучников. Оба студенты-дворники, и оба Сашки. Упрямая способность этих друзей быть постоянно вместе – и на дворницком участке, и в киношке, и в кратком путешествии на родину, и в продолжительном турне по ночникам – вызывало плохо скрываемое раздражение Антона, главы вполне здоровой соседской семьи из модельного мира.

Яркая парикмахерша Нина и маленький закройщик Антон громко именовали себя стилистом и модельером соответственно. И псевдонимы выдумали для себя не менее блистательные: дизайнеры моды Алекс и Сандра

- только так их теперь называли афиши, журналы и флаеры модных показов, концертов и шоупрограмм. Стильная такая пара, как говорится, модная на всю голову. С ними проживали двухлетний сын Ян и небольшая собачка Аня, которые на площадь практически не выходили. Так что большинство жильцов их никогда не видели, зато уж слышали ежедневно.

Перманентный, состоящий из ругани, лая, детского плача или смеха, радиотеатр обычно немного стихал только после внушительных ударов в Антонову стену со стороны Парамошки.

Александр Ильич Парамонов, закончив журфак, вот уже четыре года активно писал нетленные материалы в разнообразные печатные СМИ и столько же времени собирался издать всё это добро одной книжкой. Был он очень крупный, крепкий, кислоулыбающийся, и жил одиноко. Видимо, поэтому почти каждую ночь к нему шли нескончаемые караваны приятелей, звякающих и дзинькающих бутылками. Тут-то и наступало время реванша модельеровой семьи. Создавалось впечатление, что даже собачка Аня и ребеночек Ян на каждый шорох из Парамошиной комнаты барабанят в стену своими лапками или головами. В ответ барабанным трелям всегда раздавалась песня. Что-то протяжное и очень красивое.

Зычный Парамошин вокал обычно прерывался пронзительным визгом «Хватит!» еще одного дворника, Тетьшуры.

На самом деле, Шуре не исполнилось и тридцати, но выглядела она истинной тетей. Солнечно-рыжая, круглая и здоровая, как свежая морковь, Тетьшура целыми днями беззастенчиво хлебосольничала на кухне. Это было ее законное место, она жила здесь дольше всех и завела свои порядки. Так что домочадцы и, уж тем более, их случайные гости, попросту не могли пройти мимо ее извечных водочек, ликерчиков, чайков, конфеток, пряничков и яичек. Готовилась она к подобным трапезам обстоятельно и громко. Студенты по десять раз бегали в магазин то за бутылочкой, то за фаршем, то за мукой или маргарином. Только вот кофе она не любила, жженым сахаром называла.

Одного шуриного визга хватало, и над площадью зависала сизая ночная тишина.

Ответственный техник-смотритель жилищно-коммунальной конторы, Саша Гаврилыч, в квартире появлялся изредка, а вот в разговорах его колоритное имя слышалось нередко. Это вполне естественно – именно благодаря доброй воле (а скорей всего – беззаветной любви Гаврилыча к денежным знакам) уже не первый год вся компания здесь и существовала.

Был в коммуналке еще один примечательный жилец. Две самые большие смежные комнаты принадлежали Славомиру Борисовичу. Трудно представить, чтобы этот вальяжный и франтоватый бухгалтер какого-то крупного ЗАО или ООО вдруг поселился бы в своих владениях. А вот бывал он в них часто. Забежит минут на десять, помолчит, поводит носом по замкам, посверлит глазами проживающих – и нет его. Все были убеждены в том, что если кто здесь и прописан, так это он. Стало быть, ждет удобного момента оттяпать квартирку. Вот и ходит, контролирует.

В общем, жила-была типичная столичная коммуналка конца двадцатого века со своими юродивыми и благородными жителями, с домашними питомцами, с простыми и трудными умниками, с тихонями и живчиками, с постоянными, временными и сумасшедшими проживающими.

Притерпелись, привыкли, и жили они сравнительно мирно. Сжились.

Сердобольные соседи давно уже бросили напрасные попытки Евгению Петровну разговорить, всё равно же ничего не понимает. Как получалось, кормили-поили, и не особенно замечали. О том, например, куда какает, даже не задумывались. К ней тоже привыкли. Она стала таким же предметом домашнего интерьера, как

этажерка, колонна, соседи или сундук. Об нее уже не запинались.

3

С чего я вдруг решил, что это – сон?

Я в этом жил, я это видел, чувствовал, как наяву, я это помню. А если сон, то почему он снился сразу многим, как и мне? Всем семерым уж точно снился. Каждый из них, каждый по-своему, но рассказал же мне тихонечко или проговорился случайно о том, как оно могло бы быть, по их мнению, как бы могло сложиться всё иначе – так, как положено, как подобает, как всем наверняка хотелось бы.

Какая-то коммунальная галлюцинация с нами случилась. Я довольно хорошо узнал «семь Сашек», и нам приснились одни сны.

Вот этот, первый, самый памятный и частый:

– Тук-тук... тук...

За окошком, в тумане, ворочался утренний мир, недопроснувшийся, недопроявленный. Из-под белого облака теплого одеяла торчали нос и глазки маленького человека. Утренний человек не спал. Был ли он мальчиком или девочкой, пока было неважно. Проснулся просто детеныш, юное существо. Как новогодняя игрушка, пере-

ложенная ватой, лежал и зыркал в окружающий мир. А мир был совершенно белым: комната, постель, шкафы, туман, чехлы на стульях, ска-терть и, конечно же, молочное стекло окна.

Теплый белый мир.

И ничего не стоило вскочить из койки, чтобы вскарабкаться на белый широченный подоконник. Легкотня! Он и вскочил, предвари-тельно развернув скатавшуюся за ночь фланеле-вую белую рубашку, оттолкнувшись от горячей батареи, ухватившись маленькой ладошкой за медную ручку оконной фрамуги.

На сцену подоконника шагнул человек. Скорее, сущность, существо, идея человека. И что же он увидел?

По площади шли кони. На каждом – всад-ник в белом шлеме. Белые наездники улыбались, некоторые махали рукой. Существо размахивало ручками в ответ, и тоже улыбалось. Они друг другу очень нравились, им было славно пови-даться. А между ними плыл туман, стекающий по площади к реке, выбеляющий фасады домов, растворяющий весеннюю зелень деревьев, обво-лакивающий коням копыта.

Эти белые витязи проходили тут каждое утро. Существо было важно их не проспять, хоте-лось снова слышать звук «тук-тук, тук», махать рукой, и улыбаться улыбкам. Поэтому-то челове-

чек часто просыпался засветло, и терпеливо ждал рассвета, ждал тумана...

4

Немыслимая редкость: поздним утром Арбат затопило туманом. Это зимой-то!

И без того заснеженная панорама нестройных крыш, будто нарисованная перламутром на оконном стекле, здорово преображала унылую кухню. Затрапезное пространство светилось по-новогоднему празднично, туман в него как бы просачивался сквозь окно, смешиваясь с легкой дымкой немного пригоревшего подсолнечного масла и светлыми клубами аппетитного пара над плитой.

Раскрасневшаяся Тетьшура колдовала над горячим духовым шкафом. Никогда она не принадлежала к разряду аккуратных хозяек, процесс приготовления любой еды всегда был связан у нее с оглушительнейшим гроыханием кухонной утварью и нередкими матерными комментариями в адрес какой-нибудь непослушной сковородки. В дверном проеме стояла сосредоточенная Хася Пинхусовна, внимательно прислушиваясь к каждому звуку.

- Из кружечки надо пить, из кружечки. Понимаешь? - крикнула Тетьшура из-под руки в сторону Хаси.

- Святые люди, - протяжно провыла старуха.

- Конечно святые, как же не святые. Полон дом святых людей! Ты бы, Хася, все-таки из кружки бы пила. В кране вода сырая, грязная. Слышишь меня? Хася Пинхусовна... Хася... - не унималась Шура, выйдя в центр кухни под лампочку, - Евгения Петровна...

- Люди, - сразу же отозвалась старушонка и быстро шагнула на звук, - люди, люди... инглубагла...

- Сама ты, Хася, инглубагла! - расхохоталась Шура, вприпрыжку возвратившись к духовке, в которой что-то зашипело, заскворчало и лопнуло.

Присеменяв под лампочку, Хася остановилась, обескураженно вращая головой по сторонам.

- Люди? - удивилась она.

Хотела было двинуться дальше, но в коридоре что-то заскреблось, и она развернулась. Пока плелась по коридорищу обратно, открылась входная дверь. У вешалки стряхивал перчатками снег с куртки улыбающийся Саня. Немного повозившись с непослушным замком, он, наконец, разделся и разулся, впрыгнул в тапки,

но пошел не в свою комнату, а к этажерке с телефоном. По дороге ловко увернулся от идущей навстречу Хаси, и взялся судорожно накручивать телефонный диск, пробуя куда-то дозвониться.

- О, Санька приперся. Перся, перся, и приперся, - весело пропела Шура, - Санюнька!

- Чо?

- Чо-чо... Это тебя так в театральном твоём что ли учат? Чо. На этой самой, как ее? На сценоречи.

- На сценречи.

- У... Во как... А завтракать вас там учат? Носился утром, - трусы-парусы. Так ведь и не поел.

- Ел, - вклинилась в разговор Хася, почти уже дошедшая до двери, но опять остановившаяся в искреннем недоумении.

- Не парусы, а паруса, - улыбнулся Саня.

- Ага, труса-паруса. Чуть Тетьшуру с ног не свалил. Кстати говоря, паруса бы твои постирать бы пора, да пуговку бы пришить в одном месте, а то всё самое интересное видать...

- Тетьшур!

- А чо Тетьшур? - ухмыльнулась Шура и чистенько пропела, - У таракана усики, у мальчугана трусики...

Подобные диалоги всегда ее забавляли, широкая физиономия сияла удовольствием и как

бы говорила в любом слове, в каждой фразе «радуюсь я разговорам с вами до чрезвычайности». Беспардонно оглядев стеснительного соседа со всех сторон, она продолжила:

- Вы с Александром хоть и чистенькие, а все равно замызгиваетесь. Девочек-то не завели еще. Или завели? Да если и заведете, толку-то. Девка – это вам не мамка. Я же вижу. Стираетесь вон раз в месяц. Обедать хоть, голодайка?

- Да, – сказал Саня.

- Да, – добавила Хася.

- Не ври тетеньке! Что ел?

Саня пожал плечами, бросил трубку и поднял руки вверх.

- Чипсы, – озорно хмыкнул он.

- Псы... Псы... – отчего-то растревожилась Хася. Но ее никто не услышал, потому что ее никто особенно и не слушал, вернее, не прислушивался никогда.

- Да-да-да. Это, блин, еда. Сплошной кислотно-щелочной баланс. В смысле кислота и щелочь, – укоризненно качала головой Тетьшура.

- Кислотно-щелочной баланс – это про жвачку.

- А про чипсы чо?

- А про чипсы – хруст.

- Ох, и хрустанешься ты когда-нибудь нафиг с голоду. Погляди чем хрустеть-то надо.

Хаська вон уже три штуки слупила, чо думаешь, она тут трется? Унюхала. Я ей третий в руки все норовила впихнуть. Не берет. Хныкает, недотрога, блин. Кстати, на Евгению-то Петровну она лучше реагирует, на Хасю совсем не отзывается.

- Вот и зовите ее Евгения Петровна, - нехотя отозвался Саня, берясь за телефон.

- А я и зову. А она и приходит. А тебя вот зову, а ты не приходишь.

- Да не хочу я.

- Санюнька, - настойчиво звала Шура, - все равно же не дозвонился, иди-к сюда.

- Да не хочу я.

- Иди сюда, худая жизнь!

Пришлось ему все же опять бросить трубку и подойти к столу в кухне.

- Чо?

- Опять чо? Ешь давай, вот чо!

- Да не хочу я.

- Это потому что отвык уже. На-ка, расстегайчика возьми. Тётька тебе фигню не подсунет, лопай давай, худая жизнь!

- Спасибо, - выдавил Саня набитым ртом. Жевал как обычно удивительно вкусную еду и как обычно радовался. Упирался-то, получается, лишь для порядка.

- Рюмочку дать? - вкрадчиво поинтересовалась Шура.

- Нет. У меня зачет сегодня.

- Ну-ну. А я ваш зачет сдала уже утром. Учитесь, блин, студенты. Участок аж блестит весь. Гаврилыч просто забалдел, давно его таким довольным не видала. Хорошо, что снега нет особенного, только туман, завтра можем и поспать. Щас борщец буду делать, через полчаса тащи тарелку. Александр-то придет?

- Спасибо.

- Чо спасибо? - не поняла Тетьшура.

- Ну, участок...

- Это вы мне спасибо в зарплатку скажете.

Саша Гаврилыч, между прочим, премию вам грозился выписать - так я ее заберу?

- Конечно.

- Александр-то придет?

- Вечером.

- Ладно. Вечером, так вечером. Вы давайте беляшкo готовьте, вечером в машинку запишем.

- Ладно, - крикнул Саня, дожевывая уже на ходу, по пути к себе в комнату элегантно обогнув Хасю, плетущуюся по коридору в сторону кухни.

Тетьшура убрала тарелку, налила себе рюмку тархуновой настойки, и звонко запела:

- Я зеленый огурчик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. А боюсь я только мышь.

Выдохнула, выпила и, отступив на полшага назад, пропуская входящую на кухню Хасю, быстро ушла в свою комнату.

- Слушай, ты, огуречик, нельзя ли потише?

- не выходя из-за двери, крикнула ей Нина.

- Чо-чо-чо? - так же, не выходя из комнаты, прокричала Шура.

Дальнейшие крики соседок едва перекрывали возникшие тут же детский плач и собачий лай. Такой вот оригинальный у них получился заочный скандал, виртуальная ругань онлайн, так сказать.

- В плечо! У меня ребенок спит. Может, хватит орать?

- До чего же подлое быдло ты, Нинка! Разоралась на пустом месте!

- Сама ты быдло!

- Подлое быдло и есть!

- Хорош уже орать, ребенок спит!

- Ага, слышу я, как он у тебя спит. Сама разоралась и разбудила. Дура!

- Я тебе щас покажу, кто здесь дура!

- Заткнись, идиотка!

Понурая Хася Пинхусовна стояла посреди коридора, тревожно прислушиваясь и озираясь. В паузе попыталась было уйти, но очередной грубый крик ее испугал, остановил.

- Псы... Инглубагла... - протянула старуха, недовольно поморщившись.

5

Все то же самое я видел там же и тогда же, с теми же, но совершенно по-другому. Где тут реальность, где тут сон – не ведаю. Однако это тоже было, никакой это не бред, а некая очень даже реалистичная небыль.

Дались мне эти сны...

«Чтоб весело смеяться, не нужен порошок, а нужно, чтоб сказка кончалась хорошо!» – пел позитивный дядька в финале любимого фильма из нашего общего пионерского детства, ни сном ни духом не ведая, как скоро и разительно перелицуется, преобразится время.

И мы не знали, как легко сотрутся алые лозунги с крыш и купеческих фасадов наших городов, совсем не по-революционному, без боя, уступая место многокрасочным рекламам, как быстро пропадет из жизни всё советское – казалось бы, незыблемое, вечное. Как некогда пропало всё купеческое. Кто ж мог тогда предположить, как скоренько совковые опрелости, будто январским снегом, присыплются спасительным заморским порошком и прочими галлюциногенными снадобьями, мгновенно изменяющими сознание, круто развлекающе-отвлекающими, лихо улучшающими настроение подлого люда, опять дождавшегося вожделенных изменений.

Московские фасады поменялись махом, но за многими из них пока доживали свой век коммунальные квартиры. Об этом-то «периоде дожития» и речь.

Я, как и Тетьшура, тогда лишь хмуро смотрел по сторонам, наблюдал за переменами и, в общем-то, только безвольно удивлялся им, мурлыкая под нос наши детские песни, хоть как-то помогающие сохранить равновесие. Родину штормило, коммуналки дохли, а мы, их жители, всем коллективом мечтали о другой реальности. Мы упрямо грезили о лучшей жизни, видели ее как наяву, безо всяких порошков.

Помню, как домашнее существо, стоявшее посреди площади, тихо исчезло.

И тут пространство начало преобразаться. Вслед за исчезновением старухи выцветшие, разорванные во многих местах, полосатые обои с цветочным орнаментом вдруг стали целыми и яркими, с них испарились ржавые разводы. В прихожей, будто бы из-под земли, внезапно выросла деревянная напольная вешалка. Пропали тазы и корыта, побелел потолок. На стенах появились картины и кашпо, маятник в часах начал раскачиваться. Возникли милые кресла, диванчики, белые венские стулья в чехлах и круглый стол под белой скатертью. Покосившиеся шкафчики и полки выровнялись, плавно опустилась хрустальная люстра. Буквально на глазах

пространство как бы заросло большим количеством цветочной зелени и сделалось по-старомодному уютным. Сквозь окна вкрадчиво пробились ласковые солнечные блики.

В какие-то считанные мгновения на белом свете возникла прекрасная бело-зеленая гостиная с желтыми стенами, слегка подсвеченная с кухни по-зимнему желто-яичным солнцем. В ней-то, как правило, и случались события моих реальных снов.

6

Тем временем Тетьшура, распаяясь, верещала через дверь:

- Нет, ну а все-таки, кто здесь дура-то? А?

Но Нина молчала, что бесило еще больше. Шура выдержала паузу, выглянула в коридор, и смело пошла на штурм соседской двери с песней:

- Я зеленый огуречик. Не боюсь широких речек. Не боюсь высоких крыш. А боюсь я только мышь.

Подойдя, она хорошенечко пнула ненавистную нинкину дверь. Кто знает, чем бы завершился этот коммунальный бой, когда б не распахнулась дверь входная.

На пороге возился с непослушным замком Саня, очень худенький, очень разноцветно

одетый и очень молодой человек. С диким усилием закрыв дверь, он быстро сбросил куртку, прыгнул в тапки, но пошел не к себе в комнату, а к этажерке с телефоном.

- О... Санька приперся... Перся, перся, и приперся. А мы тут с Нинкой скандалим, - звонко спела Шура в его сторону, улыбаясь во весь рот, - Санюнька... Санюнька!

- Чо?

- Чо-чо... Это тебя так в театральном твоём что ли учат? Чо. На этой самой, как ее? На сценоречи.

- На сценречи.

- У... Во как... А завтракать вас там учат? Носился утром, - трусы-парусы. Так ведь и не поел.

- Не парусы, а паруса, - смутился Саня.

- Ага, труса-паруса. Чуть Тетьшуру с ног не свалил. Кстати говоря, паруса бы твои постирать бы пора, да пуговку бы пришить в одном месте, а то все самое интересное видать...

- Тетьшур!

- А чо Тетьшур? - опять запела Шура, - У таракана усики, у мальчугана трусики. Вы с Александром хоть и чистенькие, а всё равно замызгиваетесь. Девоч-то не завели еще. Или завели? Да если и заведете - толку-то. Девка - это вам не мамка. Я же вижу. Стираетесь вон раз в месяц. Обедать хоть, голодайка?

- Да, - хмуро ответил Саня, продолжая накручивать телефонный диск, судорожно пробуя куда-то дозвониться. Разговор ему явно мешал.

- Не ври тетеньке!..

Тут открылась еще одна дверь (во всех коммуналках двери открываются-закрываются безостановочно и круглосуточно). Выпустив из своей комнаты проблеск солнечного света, мягко ступая по скрипящему паркету, на площадь вышла Евгения Петровна, аккуратная бабушка в стареньком опрятном платье и белом фартуке. Улыбка на ее лице была такой же сдержанной и аккуратной, такой же чистоплотной, как она сама. Поставив на стол жестяной поднос с мельхиоровым кофейным прибором, старушка церемонно присела на краешек венского стула.

- Здравствуйте, Саша, - прозвучала в композиции разговора чистая низкая нота глубокого грудного голоса, какой бывает только у старух.

- Здравствуйте, Евгения Петровна.

- А ведь Шура права. При ваших нагрузках вам действительно нужно хорошо завтракать. Шура нам сегодня изумительные расстегаи приготовила. А поскольку кофе и расстегаи - несколько купеческое сочетание вкусов, давайте-ка, я вам с Шурочкой чайку заварю.

- Спасибо, но я не хочу.

- Это потому, что отвык уже. А мы тебя и спрашивать не станем. Садись и ешь, худая жизнь. На-ка, расстегайчика возьми, - проговорила Шура, старательно выискивая плавные и чопорные интонации в собственном голосе.

- Поешьте, Саша, поешьте.

- Поешь уже, худая жизнь!

Обе сидели за накрытым столом, уютно сложив ручки-лодочки на передники, улыбались и призывно кивали, поглаживая взглядами фигурку голодайки. Саня был так худ, что у любого нормального человека первым делом возникало желание не только хорошенечко беднягу накормить, но еще и «завернуть с собой». Пришлось ему бросить трубку, покорно усесться к столу и взяться за еду.

- Спасибо.

7

«Дверь в доме дверью никогда не называли, только - двери. Сиятельные, основательные двери с биографией! Вот так примерно я о вас и напишу. Как же вы, родные, красивы! Двери, да. Высокие, тяжелые, вечные двери, - думал Парамошка, записывая фразу шариковой ручкой в маленький блокнот».

Его толстые пальцы, не выпуская авторучку, чесали голый затылок со следами неоднократных подобных расчесок, и выводили на бумаге еще одну гладкую строчку: «Резные замковые ворота, а не дверь».

Прищурившийся наблюдатель сидел на лестничных ступенях, снаружи оглядывая двустворчатую прелесть. На самом деле все эти многозначительные красоты были видны только ему.

И впрямь затейливые, по всей вероятности когда-то очень живописные, рельефы створок, фигурные планки, филёнки, резные наличники и широкое обрамление лепниной, начисто сглаживались слоями несчетных побелок и масляной краски. На разных уровнях в тяжелом полотне были просверлены отверстия для глазков. Что удивительно, глазки-то были, но они были густо покрашены краской. Похоже, за ненадобностью. То здесь, то там торчало несколько явно не родных ручек, и точно так же, на различных уровнях, были врезаны разнообразные замки. Обе створки поблескивали десятком замочных скважин и уключин в хромовых накладках. Справа, на месте сколотой лепнины, топорщился нестройный рядок из кнопок электрических звонков. Единственная деталь сохранилась у двери от рождения – медный механический звонок «барашком», с полукруглой надписью истертым

конгресом на корпусе – «прошу повернуть». Очевидно, что им до сих пор продолжали пользоваться по изначальному назначению. Хорошо отполированный от частых прикосновений, наружный бантик звонка сиял как золотой.

«Эти двери, посреди гладкой стены, торчали триумфальной аркой в чистом поле», – записал Парамошка.

Отошел, постоял-посмотрел, склонив голову набок, как художник у полотна. Опять почесал авторучкой затылок. Повздыхал, раздумывая о совсем невидимой, или же мало кому видной, красоте. Встряхнулся, подошел ближе, погладил едва заметные завитки, ковырнул облупившуюся краску, спрятал блокнотик в нагрудном кармане и надавил ладонью на створку. Дверь неожиданно распахнулась – Саня, оказывается, так и не сумел ее закрыть.

8

В центре гостиной за белым столом, хорошо освещенные кухонным солнцем, сидели соседи.

– Привет родимой коммунальной трясине и всем ее почтенным обитателям! Как же вы красивы! Чаевичаете? – восхищенно проорал Парамошка.

- Добрый день, Александр Ильич. Присоединяйтесь.

- Ох, люблю я вас, Евгения Петровна. Только вы меня Ильичем-то и величаете, - ответил тот с церемонным поклоном, - А вообще-то, люблю-то, не за это. И присоединюсь с удовольствием, только вот двери наши гуттаперчевые закрою. Вот.

Чуть повозившись с замком, он оглушительно продолжил:

- Тем более, что повод к торжественному обеду есть преизряднейший. Взяли статью, взяли! Редактор, конечно, фуфло, но правок наковырял минимум. И аванс выписал. А значит - публикуемся. А значит, не зря всё, не зря!

- Поздравляем, - громко обрадовалась Тетьшура.

- Спасибо, Шура, дорогая, спасибо! Доставай свои снасти! Ой, нет. Сласти, или как там, страсти-мордасти. В общем, всю снедь давай на стол мечи. Во! - оживленно тараторил неуклюжий великан, вынимая из кармана и ставя на стол, конечно же, большую бутылку коньяка, ноль-семь, как минимум.

При этом всё же несколько неловко он себя чувствовал даже в этой просторной гостиной, поскольку был крупнее всех присутствующих чуть ли не вдвое. Впрочем, у него по жизни было очень мало мест, где бы он не был скован или

чутьочку зажат. Со своей неповоротливой несуразностью он давно свыкся, с самого детства научившись ее перекрикивать.

- Ух ты, - выкрикнула Шура от такой приятной неожиданности.

- А вы как думали? Праздник, так уж праздник!

Тетьшура, как говорится, мигом метнулась на кухню.

- Какой прекрасный день! Какой прекрасный пень! Какой прекрасный я! И песенка моя! - по дороге спела она, и уже с кухни спросила, - Так чо, нести уже?

- Неси, Шура, неси. Да только слушай меня внимательно. Я вам щас такую рассказку расскажу, Гоголю и не снилось, - смеялся Парамощка, садясь к столу, - Только что лично пронаблюдал. Представляете, вываливаюсь из троллейбуса, а слева - дядька. Ну, выперся уже. И что он делает? Сморгнуть собирается. Ноздрю большим пальцем зажал, воздуха побольше набрал, да как дунет. И все, что выдул, у него на пальце и повисло. Он, не долго думая - вах! - это дело за спину себе широким жестом. А там полковник солидный идет, краснорожий. И ему эта сопля прям на китель - бац!

Рассказчик сам уже задыхался от хохота. Смех его перемешивался со смехом соседей. Хорошо они смеялись, дружно. Увидев благо-

дарную реакцию сраженной наповал аудитории, он уже не мог спокойно усидеть на месте, выскочил из-за стола и принялся показывать всё то, о чем рассказывал.

- Полковник, естественно, бу-бу-бу. Чо, мол, такое? Чо, мол, за фигня? Дядька, естественно, извиняться. И представляете, чо делает? Достает из кармана чистейший носовой платок! И начинает китель этот оттирать. Вот так-то, блин. Культура у нас всегда есть, всегда при себе, полные карманы, только мы ей нифига не пользуемся! Чо бы этому идиоту в платок-то сразу? А? Обязательно напишу, обязательно! Может, даже пьесу какую сподоблю. И назову ее «Сопля», комедия в двух действиях. А?

- Действительно, смешно и очень символично, - еле перевела дух Евгения Петровна.

- Да. Я - символист.

- Ой, ладно сочинять-то. Никто тебе спектакль «соплей» назвать не даст, - приветливо возразила Тетьшура.

- А я ни у кого и не спрошу. Я - автор. Буду я каждую соплю спрашивать. Я, может быть, сатирик гениальный. Назову ее «Сопля в петлице». Это очень даже на Салтыкова-Щедрина смахивает. Во. А я - великий продолжатель сатирической традиции.

- Болтун ты великий, Парамоша, - крикнула Шура, убегая на кухню.

- Понял, щас налью, - таким же острым криком попытался ее остановить Парамошка, потрясая в пространстве открытой бутылкой.

- Да я не в этом смысле, - кротко мурлыкнула Шура, вынося из кухни рюмки.

- Долой все смыслы! Великий драматург современности и классик живой, Александр Ильич Парамонов, гулять изволят! Давай-ка, Саня, подставляй бокал!

- Нельзя ему сегодня. Учится, - сообщила Шура, успевшая опять убежать на кухню, и выносящая оттуда тарелки с закусками.

- Зачет у меня, - подтвердил Саня.

- Понимаю. Настаивать не стану. Тебе еще в пьесах моих играть, а там мастерство понадобится. Ладно. Евгения Петровна?

- Да что вы? - пугливо замахала руками бабушка.

- Ладно. Понимаю. Настаивать не стану, а предложить даме коньяку, как воспитанный человек, был обязан. Мы же все культурные люди. А, Шур? Давай-ка за культуру и за нас. Хорошие мы все-таки, добрые. Правда? Вот и аминь.

Шура и Парамошка хлопнули по полной рюмке «с горкой». Выпили они с каким-то истинно счастливым, просто невообразимым

удовольствием, способным вызвать зависть даже у самых неистовых борцов с алкоголизмом.

- Люблю я вас, добрые мои соседи! Слышите? Люблю!!!

На финальный Парамошин крик резко среагировала Нинкина дверь. Чуть не слетев с петель, она распахнулась и с грохотом ударилась ручкой о стену, вызвав небольшой обвал всякой ерунды с коридорных полок. По полу покатились совершенно парчовая от ржавчины рыжая кружка с обломанной ручкой. Жестяная в девичестве, бархатная в старости, кружечка рассыпалась на глазах. Из нее вывалились заспанные тараканы. Юные рыжие прусаки тут же затырились по паркетным щелям, задержался один, явно пожилой тараканище. Этот не спешил. Укоризненно покачав головой, он спокойно уполз, запинаясь, куда-то к часам. На пороге стояла разгневанная хозяйка двери.

- Можно потише? - прошипела Нина.

- Можно, - испуганно проблеял съезжившийся Парамошка.

Неприятная, даже противная, то есть - абсолютно противоположная предыдущей симфонии смеха, пауза продолжалась недолго. С тем же резким грохотом, Нинкина дверь захлопнулась.

- И тебя люблю! - зачем-то прошептал Парамошка ей вслед.

9

Тем временем Александр бежал по Арбату мимо театра из института домой.

Фалды фрака за ним развевались от встречного ветра и пружинисто хлопали друг о дружку, как флажки на корабельной мачте. Не было времени снять театральный костюм, не было времени слушать рассказы седой костюмерши про то, что манишка и фрачные брюки хранятся в костюмерке со времен Вахтангова, а в этом истинно щегольском галстуке «пластрон» с настоящей булавкой, возможно, сам Михаил Чехов играл.

Сорвался в чем был. Надо было срочно набить морду подлецу!

Фалды развевались флагами, да. Но только он относился к своему облику настолько возвышенно и поэтично. Не выглядел парень романтическим флагштоком на башне средневекового замка или на рее пиратского парусника, а смотрелся заурядным опереточным артистом в историческом костюме, бегущим по Арбату – только то.

Вокруг, как обычно, пестрил ярмарочный карнавал сотен других костюмов, не менее необычных. Косматые музыканты и торговцы советской атрибутикой стояли практически на всех углах. Проклепанные байкеры, вертлявые

брейкеры, нахальные анекдотчики кучковались у Калошина переулка, унылые хипари, заплатанные бродяги, разудалые матрешечники – рядом с Николопесковским, а сосредоточенные нумизматы, назойливые фотографы и вялые клоуны – в районе Малого Староконюшенного. Арбатский балаган шумел на всю округу. Ближе к Серебряному переулку, прямо под окнами дома, тасовались хмельные художники, сопливые рокеры, зачочневшие акробаты. А рядышком со всеми ними – сидящие на корточках бритоголовые группы подозрительных личностей в спортивных костюмах и кожаных куртках. Их всех колоритно разбавляла нарядная толпа зарубежных туристов и наших приезжих. Их всех оглушала плотная какофония сотен популярных песен.

День двигался к обеду, и на знаменитой улице опять бурлил безостановочно крутящийся калейдоскоп красок и звуков. Да хоть ты намотай на голову дамские панталоны в кружевах или водрузи корону Российской Империи, здесь этому никто не удивлялся. Есть в Москве такие специальные места, где можно многое, чего в других местах нельзя.

Мгновенно проскочив несколько лестничных клеток, импозантный артист остановился у двери, уперся в нее лбом, прислушался. Там хохотали, и этот гад тоже смеялся!

Сбитое дыхание не восстанавливалось, сердце тикало глухим секундомером, пылали подмороженные уши, оттаивающие пальцы ног в летних штиблетах больно ломило. Элементарные болезненные ощущения отвлекали от высокого гнева, совсем еще недавно сильного, ясного, и в чем-то даже приятного. Драться расхотелось. Теперь надо было придумать, как бы сказать что-то обидное, хлесткое, уничтожительное.

- Пошел вон! - вполголоса репетировал запыхавшийся Александр, - Ступай вон! Убирайся вон! Иди ты к черту! Убирайся! Пошел вон!

Последний вариант показался самым приемлемым и по интонации, и по силе голоса.

«Пусть убирается. Так и скажу ему с порога сразу, - решительно настраивался Александр, вслушиваясь в паузы и новые всплески смеха за дверью». При этом неосознанно отколупывал пальцами слоистую краску со стены.

- Чо, плохо тебе слышно, да? - заставил вздрогнуть сильный баритон, многократно отраженный подъездным эхом, - А стенку тебе ковырять не надо нам тут. Стенка, может быть, до ремонта не дожить может.

Рядом вдруг материализовался вездесущий Саша Гаврилыч. Он всегда появлялся внезапно - во дворе, в магазине, на улице, у мусорки, на участке. И всегда так же неожиданно исчезал. И

всегда то ли посмеивался, то ли морщился, мелко дергая клочковатыми усиками. Плешивый, приземистый, постоянно причесывающийся, пегий лицом и одеждой, очень подвижный «мужичок с ноготок» с важным видом и крупным портфелем постоянно кружил по району в рабочие дни, раздавая задания дворникам, поучая их или оценивая работу. День-то был рабочим.

- Добрый день, - смущенно откашлялся Александр.

- Добрый, - равнодушно согласился Гаврилыч.

- Мы убрали сегодня.

- Видел. Мне не гони. Шурка же за вас убирает. Хорошо поубиралась, молодец. Но мы по договоренности показываем о том, что будто бы это вы работаете. Хочу у тебя срочно одну проблему узнать. На той неделе уже надо было за квартиру оплачиваться. Проживание на коммунальной площади имеют право только рассчитавшиеся. Понял?

- Простите. Просто Саня поехал домой за деньгами, на той неделе должен был вернуться. Скоро приедет, наверное. Завтра уже отдадим, - спокойно соврал Александр.

- Не рассчитаетесь когда, тогда вас выселю послезавтра, будете знать, - рассеянно ответил Гаврилыч, вынимая из кармашка портфеля

массажную щетку, – Согласные с таким моим решением судом? А?

Было абсолютно непонятно, шутил он так или серьезно угрожал выселением. Руководитель дворников был увлечен не разговором, а совсем другим процессом. Продолжая что-то говорить, он не глядел на собеседника, выискивая на стене свою тень. Чтобы попасть затылком в солнечный луч пришлось ему спуститься на две ступени ниже и уже там привстать на цыпочки. Тень его теперь была обрамлена косой проекцией оконных рам на стенке – лучше всякого зеркала. Гаврилыч тщательно причесывал круглую тень – идеальный силуэт своей широколобой головы. Прямо по-кошачьи он прилизывался, почти в прямом смысле этого слова: сочно сплюнявил запястье, несколько раз плотно приглаживал непослушные ключья тщедушных волос, торчащие из висков, и методично зачесывал за уши влажные пряди. Вылитый дворový кот! Его привычку причесываться всегда, везде и при любых обстоятельствах коммуналы знали, и не особенно ей удивлялись.

– Согласны. Мы вам обязательно заплатим, – серьезно пообещал Александр, отвлекшись на секунду на новый взрыв дружного хохота.

– Заплотите, заплотите. В обязательном порядке! – уже откуда-то снизу ответил Гаврилыч, и пропал, словно бы и не было его.

10

Пора было достать ключи и заходить, но драться и ругаться совсем не хотелось: в Саше безнадежно скис отчаянный дуэлянт и саркастичный скандалист, остался просто оскорбленный человек. Открыв входную дверь, он застопорился на пороге, мельком осмотрев соседей, а потом в упор, долго и спокойно разглядывал вскочившего и замершего Саню.

- Чо это? - нарушила затянутую паузу Тетьшура.

Словно очнувшись, Александр сделал несколько резких шагов в сторону стола, потом развернулся, пошел назад, встряхнулся, будто пес после купания, и с грохотом выволок из шкафа скребок, метлу, лопату.

- Да убирала я сегодня, Саша. Ты чо? - тараторила Шура, глядя, как тот собирает дворницкий инвентарь, закрывает шкаф, и почти бегом скрывается за дверью. - Вот же дурак. Чо это он?

- Так. Понятно всё с вами, - угрюмо усмехнулся Парамошка, - Разосрались, значит, однокашники? Сань, чо случилось-то?

Но Саня плюхнулся на стул, как тряпичная кукла. Смотрел перед собой остекленевшим взглядом и беззвучно рыдал, время от времени

стирая ладонью крупные капельки слез с кончика острого носа.

- Так-так, - протянул Парамошка, - Шура, давай-ка догоним этого дурака. С метлой, да во фраке, он далеко не уйдет. А с Санькой Евгения Петровна побудет. Ладно?

- Конечно-конечно, - глухо ответила бабушка.

- Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни, - причитала Шура, обуваясь, - мирно-то нам не живется? Все воевать хочется?

- Пойдем, - торопил Парамошка, укладывая бутылку в карман.

В продолжительной тишине поначалу были слышны только их громкие голоса с лестничной площадки, потом с улицы, после - лишь плаксивое хлопанье санькиного носа.

11

Бабушка и мальчик крайне редко находят поводы к непринужденной беседе о самом важном - разве что в исключительных случаях.

Старый да малый практически никогда не откровенничают без серьезного предлога. Хотя, кому-кому, а им-то сам бог велел поговорить хоть иногда, у них же больше общих тем, чем у большинства ровесников: у мужчин и женщин, у

богатых и бедных, у мерзавцев и идеалистов, у рабочих и воров, у мыслителей и дурней. Но нет, этим полагается по жизни скрывать. Обитателям разных миров остро противопоказано элементарное взаимопонимание.

Это в реальности, а в коммунально-пасторальных грезах они встречаются, и даже слушают, и слышат.

Нескладное безмолвие, зависшее в квартире, не нравилось обоим, но никто из них пока не выдумал, о чем же следует сейчас общаться. Евгения Петровна понимающе ждала, решив, что тема разговора отыщется, как водится, сама собой. Мол, пусть сперва подсохнут слезы у ребенка. Иногда она взглядывала на успокаивающегося мальчишку, но заговаривать не решалась.

Тишину нарушил Саня:

- Действительно, дурак. Только не он, а я.

- Случилось что-то плохое?

- Да, наверное, - шепотом буркнул Саня, и уже громче добавил, - И да, и нет, наверное. Просто я опять ночевал в общежитии, а он этого не любит. Да и я тоже не люблю. Но только потом, утром. А вечером вру ему чего-нибудь и бреду туда, как дурак. Тянет меня туда как-то. Там весело, шумно. А утром противно. Особенно стыдно перед ним. Он же брат мне. Как бы

сводный, но брат же. Ведь это он меня «поступил», комнату эту нашел, придумал, как платить, ко всем экзаменам готовит. А у меня самого ничего нормально не получается. И никогда в жизни ничего не получалось. Мне страшно жить, потому что я всех боюсь. Я и себя боюсь! Евгения Петровна, я – инфантильный идиот.

– Не нужно так, Саша...

– Да-да-да... Можно я вам что-то расскажу?
– совсем уж по-детсадовски спросил Саня и, не дожидаясь согласия, будто испугавшись, что его не станут слушать, продолжил, – Я один раз в первом классе ушел из школы домой один. Понимаете? Медленно топал себе по упругой тропинке мимо свежего забора, и радовался. Наверное, только тогда и был счастлив. Один раз в жизни! Понимаете?

– Понимаю.

Тихо плачущий парень уткнулся влажным взглядом в свое отражение за облупившейся амальгамой старого напольного зеркала. Там, на солнышке, сидел сутулый хлюпик за обеденным столом. По разным сторонам сикось-накось торчали его острые плечи, локти, коленки, челка, уши и нос. Противное зрелище. С носа свисала блистающая солнцем капля (то ли сопли, то ли слезы). Карикатура, а не человек. Собеседница

была не видна, да он и говорил не столько с нею, сколько сам с собой.

«Рожа у меня такая же, как жизнь», – подумал Саня, но об этом промолчал.

Не отрывая взгляд от отражения, он монотонно, извинительно бубнил, как будто признавался в чем-то пакостном, греховном:

– А за этим забором непонятные большие люди рыли глубокую яму. Сейчас-то я понимаю – какой-то там котлован для какой-то стройки. Невидимые фантастические дядьки шумели и копошились где-то на самом дне. Классно! Я был в полнейшем восторге от этих удивительных впечатлений. Из ямы слышался машинный гул и поднимался теплый запах бензина и земли. Класс! Понимаете?

– Понимаю.

– На каждый шаг мягким стуком отзывались цветные карандаши в жестяном пенале, а пальцы ладони приятно немели от прикосновений к горячим доскам забора. Я почти ни о чем не думал. Я как бы погрузился в какое-то спокойное ликование от того, как легко барабанят по забору пальцы и резиново пружинит смешная дорожка. Ну, знаете, это когда утоптанная земляная тропинка становится как бы резиновой, потому что ещё не просохла, весна же.

– Знаю.

- И тогда я впервые попробовал смотреть на солнце. Оказывается, его невозможно так просто увидеть, солнышко, оказывается, щиплет. Приходилось крепко зажмуриваться и трясти головой. Оно ведь совсем не походит на эти свои глупые портреты из книжек. Хоть бы увидеть его разочек. Знаете, о чем я думал? Хоть бы вырасти скорей и безо всяких там разрешений одному кататься на трамвае, разглядывая разных людей с их машинами и домами. Я ведь люблю кататься так до сих пор. Хоть бы не ходить больше в эту темную школу с вечно страшными учителями. Хоть бы понять, наконец, чего же хотят от меня все эти хмурые взрослые. И сделать им это. И дожидаться от них светлых улыбок. Хоть бы войти в нашу белую квартирку, а там уже - мама. Хоть бы она обрадовалась тому, что я впервые сам пришел из школы. Хоть бы подольше не заканчивался этот милый путь. Хоть бы вон за тем углом оказался бы точно такой же забор, разогретый таким же, непохожим на книжное, солнцем во все небо. Хоть бы, хоть бы, хоть бы.

- И что сказала мама?

- Ничего. Она плакала. И я понял, что сделал что-то неправильное.

- Саша, а ведь это ваша первая молитва!

- Разве?

- Да, да. Вот это самое «хоть бы» - простая просьба света и добра. Просто, вы еще очень юный и наивный человек. В этом нет ничего дурного. Бывает еще род наивности, которую именуют простотой, но это вовсе не о вас. Та простота умеет быть глупой и злой, а вот страдать не умеет; она часто думает, что счастлива и благополучна. Я знаю, что мои наивные премудрости ничем вам не помогут, но поверьте, вы, как и многие хорошие люди, юность свою выстрадаете и станете вспоминать о ней как о прекрасном и светлом времени. А может быть, и пьесы хорошие станете писать. Мне почему-то кажется, что у вас они должны получиться лучше, чем у Александра Ильича. Вы добры и страдаете. Так уж в этом мире заведено, чем тоньше натура, тем больше ей достается переживаний. Особенно в юности. Как вам кажется, я права?

- Ой, конечно же правы! А у вас была первая молитва?

- Да.

- Расскажите!

- Хорошо, Саша.

Она тоже смотрела куда-то вникуда, откуда и слышались уютные, низкие, почти баритональные звуки ее напевной речи:

- Я была несколько моложе вас, но не намного. Родители отвезли меня на лето в

Ярославль. Удивительно уютный город. Время там плавное, размеренное. Не знаю, как он нынче выглядит, но тогда все его улицы, тротуары и площади были выложены аккуратной брусчаткой. И весь он состоял из невероятно красивых старинных особнячков, а рядом с каждым – сад. Ощущение чего-то ясного, спокойного и чудесного, какого-то прошлого века (или прошлых веков?) я запомнила навсегда. Человек время от времени вдруг остро чувствует времена юности своих родителей. А родители у меня ярославские. Мы очень любили гулять по высокой, длинной-предлинной, набережной, украшенной чугунными перилами.

– Вместе?

– Да, все вместе, – задумчиво улыбнулась Евгения Петровна, – Только сейчас припомнила, как приятно было барабанить пальцами по теплым чугунным завиткам. Волга потрясала простором, а набережная – невообразимым количеством вороньих стай. Как же мне нравились эти черные птицы. Как же я радовалась, когда огромная стая вдруг срывалась с огромных деревьев и, каркая, летела на левый берег Волги. Я ведь тогда еще не знала, как у людей принято к ним относиться. А внизу, на длинных баржах, шумели и копошились какие-то непонятные мне дядьки.

– Похоже, – восхищенно прошептал Саня.

- Похоже. Но это я увлеклась мемуарами, а рассказать хотела немного о другом. Мы жили в очень красивом кирпичном особняке с деревянным мезонином, который выходил на Красную площадь. Да, Саша, в Ярославле тоже есть Красная площадь. В мезонине-то меня и поселили.

- Мезонин - это что?

- Мезонин, Саша, это такая как бы башенка над крышей, надстройка с большим окошком посреди купеческого дома. В ней обыкновенно устраивали очень светлые комнаты, светёлки или светлицы, так называемые.

- Ага, понятно.

- Тем утром я проснулась от необычного звука, сразу выбралась из постели, вскарабкалась на подоконник и увидела потрясающую картину. С площади уже заканчивал стекать рассветный розовый туман, а по нему медленно двигались всадники. Это копыта их лошадей издавали тот глухой и в то же время глубокий, дивный звук. Тук-тук, тук. Тук-тук, тук. Я просто обомлела. Мне они показались чудесными витязями в светлых доспехах. Как же стало приятно, ясно и не страшно жить, когда один из них помахал мне рукой. Они уже давно исчезли, а звук всё продолжался. И тут я поняла, что он идет из меня. Вот отсюда, слева. Тук-тук, тук. Тук-тук, тук. Я осознала, что он теперь со мной навсегда и

всегда будет не страшно. Потом был рассвет и большое розовое солнце; половинка тумана уткнула в Волгу, а вторая поднялась в облака.

- Евгения Петровна, а что ж это были за всадники?

- Всё очень просто, Саша, это была конная милиция в белой парадной форме.

- А почему же звук тогда такой?

- В те времена было принято шить лошадям специальные валенки. Да-да, именно валенки из войлока, чтобы подковы не стучали о мостовую и не будили горожан.

- Потрясающе.

- Да. Потрясающе. Меня это действительно потрясло. Все лето я встречала каждый рассвет на подоконнике. Всадников больше не видела, но знала, что они есть. Мне было очень хорошо, и я благодарила кого-то. Не словами, а всей собой. Понимаете?

- Да.

- Вот видите, у вас было солнышко, а у меня был светлый солнечный туман. Как же я радовалась, когда в Москве опять увидела его! А в последние годы не вижу. Знаю, что он есть, но, видимо, не в Москве. Уж больно много шума и машин. Зачем же нам их столько? Понимаете?

- Да.

12

Бабах! На лестничной площадке, но вполне возможно, что и далеко во внешнем мире, где-то там, в неведомой вселенной, может быть, вдруг что-то взорвалось.

Наконец, уже рухнул их дряхлый металлический лифт? Опять нагрянула война, и прилетела бомба в угол театра? Или обрушились сталактиты сосулек на машину? Снова Гаврилыч шурудил чего-то в газовых колонках соседнего стояка и вновь всё у них погорело синим пламенем, и нет уже соседского подъезда? Судя по звуку, что-то нехорошее там очень хорошо рвануло. Лифт? Газ? Война?

Вслед за пропавшим звуком, у бабушки и мальчика с глаз спала пелена тумана. В двери к ним вламывалось внешнее, пока еще тревожное, чужое, пугающее. При всем при том, спасительное что-то сотрясало дверь. В тумане горьких откровений не живут – его избегают, сторонятся, чураются. В нем больно и неловко, обычный разум в нем рискует закипеть.

Двое смотрели друг на друга удивленно, ошеломленные всем только что ими самими сказанным. В размышлениях зависло ощущение душающего позора. Разоткровенничались почему-то, олухи наивные, будто обнажились.

Голая старуха и нагой пацан не должны бы видеться нигде и никогда в природе. Стыдобщица!

Ворвавшись в дом взрывной волной, Тетьшура объяснила с порога:

- Спокойно, товарищи, это я лом уронила!

Саня и Евгения Петровна выдохнули, глядя на отплясывающую перед ними Шуру, приобнявшую вязанку дворничьего инвентаря обеими руками, как неповоротливого кавалера. Клоунадную хореографию сопровождала песня:

- Мы поссоримся и помиримся. Не разлить водой, шутят все вокруг. Друг в беде не бросит, лишнего не спросит. Вот что значит настоящий, верный друг! Друг в беде не бросит, лишнего не спросит. Вот что значит настоящий, верный друг!

Дотанцевав до шкафа, она кокетливо оттопырила ножку, лукаво поглядев в сторону Саньки:

- Чего сидишь? Давай, помогай мне давай!

Саня бросился распихивать метлу и лом, лопаты и скребки в шкаф.

Довольная Шура перешла с песни на речитатив:

- Ля-ля-ля-ля-ля. Ля-ля. Догнали! Ждет тебя перед зачетом в курилке на втором этаже! Миритесь, давайте, обалдуи!

- А сколько сейчас времени?

- Обратите внимание, - легоньким подзатыльником она развернула Санькину голову к часам.

Саня сначала рванул в свою комнату, но тут же выскочил и скрылся в туалете.

- Ух, ух, ух... Понеслась душа в рай, ноги в комендатуру! Ух ты, ух ты, ух ты! Понесся! Хорошо хоть штаны нарядил. Сидите, Евгения Петровна, сидите. Щас ему на пути лучше не попадаться. Сначала все коленки обобьет, потом этажерку свалит, а потом уже сядет и подумает.

Из нинкиной комнаты на площадь медленно вышла Нина. Да нет, не вышла, а явилась. Так возникают подиумные топ-модели в самом финале дефиле. Да и не Нина это была вовсе, а знаменитая дизайнер моды Сандра в удивительно великолепном платье, грандиозном макияже, сногшибательной прическе. От нее исходило глянцевое сияние.

- Нина, стой!!! - вовремя крикнула Шура.

Едва не врезавшись в эту блистательную красоту, из туалета в комнату пролетел Саня. Как и было предсказано, он запнулся о колонну, упал, поднялся, побежал дальше.

- Что я вам говорила? Спасайся, кто может! Нин, посиди хоть с нами, пока этот веник не улетит. Чай будешь? Расстегайки-то не предлагаю, помню.

Не сказав на это ни слова, Нина вернулась в комнату.

- За своим пошла, - иронично прокомментировала Шура.

Действительно, тут же к ним снова выплыла Нина с маленькой фарфоровой кружечкой китайского чая в руках, всё так же молчаливо присела к столу, закурила. Из комнаты выбежал переодевшийся Саня, обулся, схватил куртку и скрылся за входной дверью.

- Пожар в публичном доме во время наводнения! - в голос рассмеялась Шура.

- Шура! - покачала головой Евгения Петровна.

- Извините-простите! А чо тут ещё скажешь? Смешнющий он всё-таки.

- Евгения Петровна, когда Антоша придет, скажите ему, что в пять у нас примерка, - выдохнув облачко ароматного дыма, медленно вымолвила Нина.

- Хорошо, - ответила бабушка.

- Твой-то заснул? - спросила Шура.

- Заснул.

- А чо ты Антону не позвонишь? У вас же вон мобильники модные-перемодные.

- Я уже звонила. Это так, чтоб не забыл.

Она погасила всего на треть-то выкуренную сигарету, макнув огоньком в чайную чашку. Кто-то ей посоветовал не докуривать

тонкие сигареты до половины, для здоровья, мол, полезней, и курить скорее бросишь. Оттопырив пальчик, положила окурок в стеклянную пепельницу, акриловым ногтем поправила, чтоб ровнее лежал. Отнесла кружку в комнату, мелодично звякнув ключами с брелоками, заперла дверь, и молча вышла из квартиры.

- Вот и всё. Ни здрасьте, ни насрать! - саркастично хихикнула Шура.

- Шура! - покачала головой Евгения Петровна.

- А чо Шура? Я, конечно, прошу прощения, но хоть бы попрощалась, что ли.

- А где Александр Ильич?

- Да он в Сивцевом этих своих опять встретил. Так что, готовьтесь - ночью запоет.

- Александр успокоился?

- Не сразу. Что-то этот мелкий опять несусветное натворил. Странные они у нас. Наверное, все артисты такие. Сашку аж колошматило всего. А чо с молодюськи-то взять? Большие детки - большие бедки. Этот прям, как папаша к нему. Переживает. Всё боится - испортят же ребеночка. А жеребеночек, похоже, сам уже кого хочешь испортит. Вон каким хозяйством носится-трясет.

- Шура!

- А чо Шура-то? Вырос мальчишечка, вырос! Завтра, может быть, себе жену молодую

уже найдет. Хорошо еще, если она немножечко поумней его будет. А то раскопает какую-нибудь оторву себе под стать. И будет наш Александр уже с двумя деточками нянькаться. А, скорее всего, сразу с тремя. Дело-то нехитрое. Трах, бах, – родильный дом!

– Вы уж простите меня, Шура, но прогнозы ваши представляются мне несколько вульгарными, что ли. Все ведь не так просто.

– Это не я такая вульгарная, а жизнь у нас такая вульгарная. Я ж прекрасно понимаю, что это за братья. Я же вижу! Это, может быть, младшенький, дурак, еще не дотумкал, а я всё поняла. Да и дай им бог здоровьица. Лишь бы не собачились.

– Чаще всего мы видим только то, что умеем увидеть. Вы чрезвычайно добрый человек и меня почти всегда радует ваш взгляд на окружающих. Но не всегда.

– В таком случае, пойду-ка, загляну на кухню. Там тоже есть чего поразглядывать. Обедать нам давно пора, а борщ никто и не сварил. Чайку вам подогреть пока?

– Спасибо, Шура.

– Евгения Петровна, чота я ничо не поняла. Спасибо, Шура, чай давай, или спасибо, Шура, не надо?

– Спасибо, Шура, я попью кофе.

- Сколько можно себя травить этим жженым сахаром? Да он и остыл уже. Что вы в нем находите? Ни витаминов, ни пользы никакой. А я вот в чай лимончика положу, травочки! Давайте?

- Давайте!

- Вот это я понимаю. Вот это разговор! - обрадовалась Шура, запевая, - Эх, травушка-муравушка зелененькая! - и уже с кухни прокричала, - Евгения Петровна, давайте, что ли подумаем, как Новый год отмечать. Эти-то разъедутся опять, поди. А нам уже не вдвоем куковать. Сашок мой в этот раз, похоже, всё-таки придет, обещался. И Парамоша, вроде, тоже остается. Вот бы еще кто из наших остался. Я бы такой стол наготовила! Посидели бы, поели бы всякой вкуснятки, попели бы досыта... Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятном, пусть приходит в каждый дом Новый год к ребятам. Пусть дорога тяжела, знаем без подсказки, что добро сильнее зла, наяву и в сказке!

- Да. Хорошо бы, - ответила Евгения Петровна, прихлебывая принесенный Шурой чай.

- Ну, а если не на Новый год, так хотя бы на Рождество или там, на старый Новый год. А то мы все как-то по-отдельности видимся. Сели бы вместе за стол, выпили бы чуток, поболтали бы. Давайте всех подговорим, праздник же.

- Давайте.
- Ну всё, пошла к борщу.
- Хорошо.

Возвращаясь на кухню, Тетьшура ловко вынула из кармана своего пальто бутылку с остатками коньяка, хитро улыбнулась и звонко запела:

- Я зеленый огуречик! Не боюсь широких речек! Не боюсь высоких крыш! А боюсь я только мышшь!

13

Пора проснуться, хватить грезить. На самом деле всё было иначе, совсем не так, как могло бы быть, а только так, как было. Давайте отмотаем всё к началу.

В истинной реальности не было никакой пасторальной гостинной, цветочной зелени, хрустальной люстры, Евгении Петровны, мельхиоровых кофейников, белых чехлов, и никаких добрососедских откровений. Атмосфера, знаете ли, как-то не располагала ни к чему подобному.

Был коммунальный коридор. Надо бы вернуть ему унылость, неухоженность и многолетнюю замызганность: закоптить потолок, остановить в часах маятник, перекосить полочки,

развесить по ободранным обоям ржавые корыта, велосипед с тяжелой рамой и огромными колесами, загромоздить стены шкапами и комодами. Для полноты картины можно вколотить гвоздей в дверные косяки и натянуть на них сеть бельевых веревок, по которой и белье развесить, непременно нижнее. А как иначе? Коммуналка.

Вся эта история происходила именно в таком, вульгарно-бытовом пространстве. Премудрая Евгения Петровна в нем неорганична, это – место Хаси, существа примерно тех же лет, того же самого «периода дожития». Так что, не очень убедительный, в чем-то даже мифический образ благообразной бабушки пока необходимо вычеркнуть, заменив реально сумасшедшей старухой.

Подглядывая за происходящим с разных точек зрения, выдумывая коммуналке всяческие нравственно-пространственные метаморфозы, стирая или подрисовывая ее жителям необычные или типичные черты, естественные или странные поступки, я тогда упорно пробовал досконально разобраться в сути существования этих людей. Зачем они? Как удивительно они порой походят на меня! А почему? Хоть что-то выяснить по-сути не особенно и вышло, однако понял главное – чрезвычайно разные и внешне непохожие ни на меня, ни друг на дружку коммуналки мне

истинно известны, знаю же о них буквально всё!
Получается, все они – я? Да неужели?

Ох, есть о чём продолжить думать, есть над чем задумчиво чесать затылок.

14

Парамошка, тем временем, в упор разглядывал сундук, стоящий рядом с его дверью, время от времени делая традиционные росчерки на затылке и записки в блокнотик, не выпуская при этом из рук сигарету и зажигалку.

Курительно-писательские аксессуары – кофейная баночка-пепельница, микроблокнот, сигаретная пачка, зажигалка, авторучка, дымящая сигаретка – ловко перепрыгивали из ладони в ладонь, как намагниченные, здорово напоминая булавы и мячики в руках циркового жонглера. Он еще успевал часто затягиваться и чесать затылок. Он вдохновенно описывал сундук, сидя на этом самом сундуке. Писательский жонгльж смотрелся комично. Выглядывая какой-нибудь живописный нюанс кованой ручки, наблюдательный автор склонялся глубоко вниз и подробно водил носом по этому нюансу. Разглядывание в упор получалось у него только вниз головой.

С кухни слышалось обычное пение и кастрюльное громыхание в исполнении Тетьшуры. Она пробовала попасть в нужную тональность, повторяя на все лады:

- А боюсь я только мышь. А боюсь я только мышь. А боюсь я только мышь. А боюсь я только мышь.

- Слушай ты, огуречик, нельзя ли потише?

- крикнула Нина, выглянув из-за своей двери.

- Чо-чо-чо? - задорно спела ей Шура, выглянув с кухни.

- В плечо! У меня ребенок спит. Может, хватит орать?

Многочисленным эхом от стен отразился детско-собачий плач и лай.

- Ага, слышу я, как он у тебя спит. Сама разоралась и разбудила. Дура!

- Я тебе щас покажу, кто здесь дура!

- Заткнись, идиотка!

Из комнаты на эти крики выглянула Хася, прислушалась и, выждав паузу, спокойно изрекла:

- Святые люди.

Шура выскочила с кухни с почти фальцетным криком:

- Нет, ну а всё-таки, кто здесь дура-то? Я зеленый огуречик, - вдруг запела она чисто и точно, как солистка детского хора центрального телевидения и всесоюзного радио, - Не боюсь

широких речек. Не боюсь высоких крыш. А боюсь я только мышь.

И с разбегу от души пинанула Нинкину дверь.

- Святые люди, - невозмутимо прокомментировала Хася.

- Конечно святые, как же не святые. Полон дом святых людей! Эта вот особенно светится. О, - Тетьшура, наконец, увидела криво улыбающегося Парамошку, - привет! А мы тут с Нинкой ругаемся.

- Да я уж давно вижу. Привет.

- А ты чо это дома-то?

- И где же я должен быть?

- А кто вчера всю ночь про статью орал? Я думала, ты уже давно в редакцию понесся. Чо, передумал что ли, гений современностный?

- Шура, родная, лучше говорить: гений современности. А впрочем, как хочешь, так и говори. Не понес я статью, передумал. Это же нетленка, она может и подождать своего часа, - кисло усмехался писатель, - или века. Нынче она никому не нужна. Тем более такому фуфловому изданию. Она в моей книжке хорошей главой может стать, а эти ее искромсают. Статья, она же как ребеночек. Представь, вырастила ты дочку-красавицу, а тебе говорят: «давайте ей ручки оторвем и в жопку вставим, чтобы покрасивше было». Ты бы их редактора видела. В человеке всё

должно быть прекрасно, а в этом – всё ужасно. Одежда безвкусная, глазки мутные, косые, морда шельмоватая, руки ниже колен, пиджак из-под куртки торчит, манерки вежливо-хамские, из носа волосы растут, изо рта луком несет, и словечки оттуда выскальзывают всяческие заумные. В последнее время у нас образовался целый выводок подобных деятелей. Я всю эту породу называю подловато-быдловатой интеллигенцией. Такая вот brutальная ментальность получается. А какая помойка у него в душе располагается, можешь представить?

– Вот это портрет.

– Да, портрет. Записать его надо бы. Я же – портретист. Живописец реальности. Меня всякие редакционные уроды плакаты да вывески рисовать заставляют, а я им шедевральные полотна ношу. Надоело. Бросить бы всякую заказную ерунду, да за книжку бы уже сесть.

– Есть, – вставила свое слово Хася.

– А где же деньги брать будешь? – спросила Шура, присаживаясь на край сундука.

– Да хотя бы на участок ходить стану. Помашу метелкой с утра – весь день свободен. Попашем – попишем стихи.

– Хи, – снова вклинилась в разговор Хася.

– Вот именно – хи-хи. Хаська-то молодец, правильно тебе говорит. Видела я, как ты машешь. Саша Гаврилыч сначала разорется, а

потом из квартиры выгонять начнет. Давай-ка уж я буду махать, а ты будешь сочинять. У меня спокойно три участка прибирать получается. Тебе и зарплатка-то эта никуда не уперлась. Каждый должен делать то, что у него хорошо выходит. А статейки у тебя интересные, так что не бубни, убиральщик великий, пиши себе.

- Да в том-то и дело, что статейки, а не статьи. Знаешь, Шура, иногда дико хочется стать простым заводчанином. Слесарем, токарем, револьверщиком или многостаночником каким-нибудь четвертого разряда. Ясного, простого дела хочется. Вот эта порода мне симпатична. Всё у них точно и прямо. Пришел, болванок наточил и до понедельника совершенно свободен. Заводчане – простой и конкретный народ. А всё потому, что дело у них простое и конкретное. Никаких тебе интриг, мерзостей, концептуальных разногласий. Идиотов и сволоты среди них гораздо меньше.

- Вот уж не скажи. У меня вот мама на одном заводе сорок четыре года отработала. Пришла в войну девчушкой-посикушкой, а на пенсию выходила начальником большого отдела. Всю жизнь там провела, на экономиста выучилась, меня в одиночку волокла, ветераном труда стала. Сорок четыре года! Когда к похоронам готовилась, всё говорила: «на заводе помогут, на заводе помогут». Помогли. Я у них

три копейки на гроб да крематорий просила, а они паршивую копеечку отслюнили, а подписаться заставили за три рубля. Ясно дело, всё остальное по карманам рассовали. Очень ясное дело у них получилось. Я-то соображала туго – надо было с директором поговорить, или поскандальить разок-другой, или маминым коллегам накапать. А я всё с бухгалтершей и теткой из профкома разговаривала, плакала-просила. Хорошо, что Гаврилыч помог, да еще и половину простил потом. Так что на наши с мамой похоронные денежки детки бухгалтерские и профкомовские выкормились. Новое поколение заводчан.

– Ну да. Бухгалтерия и профком – это контора. А люди конторы – вообще отдельная национальность. Хоть на заводе, хоть в префектуре, хоть в редакции.

– Это правда. Они у мамы из ветеранских там, из праздничных, из других всяких разных пособий всю дорогу подтягивали. Особенно профкомовка. Я уж не вмешивалась. Для мамы каждый поход на завод как праздник был. Там ведь подружки-сослуживицы и новости, какие-никакие. Настоящие друзья к тому времени все уж поумирали. Период дожития, понимаешь ли, как эти конторские говорят. Мама ведь знала, что у нее денежку прут, но особенно не возмущалась,

боялась, что вообще не позовут или открытки слать перестанут. А эти – рады стараться.

– Да уж, украсть у старухи хлеба кусок – грех большой, а вот денег ей на него не подать, вроде, и нормально. Они ведь и не задумываются о том, что безобразничают – они так живут. Как ты там говоришь, подтянут у одного, другого, пятого, десятого – вот и достаток в семье, – медленно говорил Парамошка, щурясь на подползающие к сундуку, пыльные солнечные лучи, театральным софитом светящие из кухонной двери, – Слушай, а может быть у этих твоих двух мерзавок дети вдруг прекрасные вырастут, и сделают миру что-нибудь очень хорошее. Вот и получится, что благодаря твоей маме, да и тебе, на свете неожиданно появится еще один приличный человек.

– А чо это он за мой счет появляться-то будет?

– Шура, милая, а за чей же еще? Все благополучные, злые, активные, цепкие, сытые и сильные держатся в этом мире только за счет слабых, голодных и добрых. Слабых, видишь ли, больше.

– Во блин!

– Блин, – опять протиснулась в беседу Хася.

– Да, блин. Между прочим, еще неизвестно, как этих твоих теток конторских детки хоронить будут. Я ведь про приличного человека

предположил только. Это ведь редкость большая. Обычно у таких только такие же и получаются. Подонок рождает подончиков, идиот – идиотиков, негодяй – негодяйчиков, скотина – скотинчиков, а мерзавец – мерзавчиков.

– Мерзавчик бы сейчас не помешал, – ласково улыбнулась Тетьшура.

– Вот. Стало быть, нахлебаются они еще в старости.

– Это как так?

– Да просто даже очень приличные люди часто оставляют родителей. Казнятся, переживают, молятся, но оставляют. А эти пакостники и не посморкаются. Лет через десять какая-нибудь чужая ей, молодая, резвая профкомовка на ветеранские деньги этой твоей старой профкомовки будет выкармливать своих жирных детей, потенциальных профкомовцев. Но это всё – конторские мерзости, а у станков на заводе всё-таки нормальные мужики работают. Точные люди, которые просто делают хорошее дело и никаких тебе контор.

– Ой, да брось ты, в цехе этих тоже хватает. Что ты думаешь, рабочий только с болванками дело имеет? А нормировщики, а мастера, а бригадиры?

– Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей.

- И ты вот так вот всех-всех-всех презираешь?

- Это не я.

- А кто?

- Пушкин.

- Кто-кто?

- Это, Шура, Пушкин презирает, Александр Сергеевич. В самой первой главе «Евгения Онегина».

- Во блин!

Теперь Парамошка в упор изучал восхищенную Шуру.

- Так что, не ходить мне на завод? - спросил он, усмехаясь.

- Не ходи. Ничего путного у тебя там не получится, никакое это не дело.

- Так что, в редакцию?

- Иди уже, многостаночник!

- Ладно, вот докурю, да пойду.

А потом они долго сидели на сундуке. Просто сидели и всё. Словно коты на завалинке грелись на солнышке, не думали и не говорили. Из комнаты попугайчиков несколько раз выглядывал Саня, рассеянно озирался, мельком зыркал в сторону сундука, встряхивал челкой, и прятался за дверь. Очередное выглядывание заметила Тетьшура.

- Санюнька, ты чо?

- Да нет, ничего, - уже из комнаты чирикнул Саня.

- Расстегайчики будешь? - спросила Шура у Парамошки.

- Спасибо.

- Спасибо, Шура, расстегайчики давай, или спасибо, Шура, не надо?

- Спасибо, Шура, расстегайчики давай!

- Рюмочку будешь?

- Буду.

- Вот и молодец! Вот это я понимаю. Вот это разговор! Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, всем нужны друзья! Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, даже воробьям! - спела она, уходя на кухню, и уже оттуда крикнула, - Парамоша, давай, что ли подумаем, как Новый год отмечать. Эти-то разъедутся опять, поди. А мне уже не одной куковать. Сашок мой в этот раз, похоже, всё-таки придет, обещался. И ты, вроде, тоже остаешься. Вот бы еще кто из наших остался. Я бы такой стол наготовила! Посидели бы, поели бы всякой вкуснятки, попели бы досыта. Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятном, пусть приходит в каждый дом Новый год к ребятам. Пусть дорога тяжела, знаем без подсказки, что добро сильнее зла, наяву и в сказке!

Не переставая петь, Шура изловчилась принести две полные рюмки лимонной водки,

салфетки, вилки, и расставить по сундуку широкие тарелки с расстегаями.

- Да. Хорошо бы. Лично я - за! С этим, Сашком твоим хоть познакомимся, а то ты о нем только рассказываешь.

- Ну, а если не на Новый год, так хотя бы на Рождество, или там, на старый Новый год. А то мы все как-то по-отдельности видимся. Сели бы вместе за стол, выпили бы чуток, поболтали бы. Давай всех подговорим, праздник же. Ну, давай!

15

Вторую они выпили и закусили не просто с наслаждением, а с тихим блаженством.

Парамошка налил по третьей и совсем завис, залюбовался живописец реальности гранями перевернутого конуса старинной рюмки. Похоже, теперь он ее, красавицу, сочинял и описывал. Осматривал со всех сторон, подносил близко к глазам, наблюдал с расстояния вытянутой руки, изучал ее в покое, в движении. Рюмашка то парила над площадью, то приземлялась на время к тарелкам, то резко взлетала под потолок. Наверняка он выдумал сравнить сегодняшнюю водку с солнцем, она ж была того же самого, ярко-лимонного оттенка.

Каким же скучным, тусклым надо быть, чтобы не выпить рюмку солнца!

Это дело не грех и повторить неоднократно, право слово. Особенно когда на тебя тихо смотрят именно это, именно так понимающие глаза, которым ничего не надо растолковывать про рюмки и про солнце.

- Красивенько, - кивнула Шура его взгляду.

- Хочешь, фокус покажу? - мирно спросил он, прищулив глаз, и глядя на нее сквозь рюмку.

- Покажи.

- Смотри в тот угол, за часы.

- Темно. Солнце отсвечивает.

- Что там у нас?

- Ну, там вешалка стоит.

- Стоит, ага, но нам ее не видно, так?

- Не видно.

- А теперь?

Он придвинулся ближе, потеснив разделяющую их сервировку, плавно поднес к одному глазу Шуры свою солнечную рюмку и, не касаясь, прикрыл широкой ладонью другой глаз. В рюмочных гранях отчетливо вырисовывалась их рогатая вешалка, и даже Санькина шапка с помпончиком.

- Чудеса! - шепотнула Тетьшура.

Солнце доползло до сундука. Парамошка и Шура поставили рюмки, зажмурились, стараясь

увидеть его закрытыми глазами. Но от солнца обоих скоро отвлекло более яркое зрелище.

Ой, не ослепнуть бы. Вы только посмотрите! Вот бликануло прекрасное платье, засиял грандиозный макияж, игольчатыми лучиками вспыхнули стразы, засверкала блестками высокая прическа. Это из комнаты вышла Нина. Не вышла, нет, красотища снизошла, никак не меньше, иного слова тут не подобрать. Довольная произведенным эффектом, звезда рассеянно присела на сундук и закурила.

- О, привет. Рюмочку будешь? - умильно проямлила Шура.

- Спасибо.

- Спасибо, Шура, рюмочку тащи, или спасибо, Шура, не надо?

- Не надо.

Тетьшура не обиделась ничуть, встряхнулась, потянулась и пошла на кухню, напевая по дороге:

- Выглянуло солнышко, пляшет на лугу. Я на встречу солнышку по траве бегу. И ромашки спелые рву я на лету. Я веночек сделаю, солнышко вплету!

Зачем она туда ходила, непонятно - что-то там, наверное, жарилось или варилось, но уже к финалу куплета вернулась, и опять примостилась рядом с Парамошкой.

- Александр Ильич, вы еще час дома будете? - томно вымолвила Нина.

- Да.

- Когда Антоша придет, скажите ему, что в пять примерка.

- Хорошо.

- Твой-то заснул? - поинтересовалась Шура.

- Заснул.

- А чо ты Антону не позвонишь? У вас же вон мобильники модные-перемодные.

- А я уже звонила. Это так, чтоб не забыл.

Блистательная, как зеркальный диско-течный шар, Нина погасила сигарету и величественно продефилировала по жилплощади. Зрители на сундуке таращились во все глаза. Запирая дверь в свою комнату, она обляпала соседей сотней солнечных зайчиков, после чего молча вышла из квартиры.

- Вот и всё. Ни здрасьте, ни насрать, - прокомментировала это шоу Шура, - Паскудная она у нас девка всё-таки. Хоть бы попрощалась, что ли.

Не успев закрыться, дверь открылась.

Похожая на двух подслеповатых сов, солнечная парочка, смиренно сидящая на сундуке, словно две сонные птицы на жердочке, вновь развернула головы в сторону входа, глядя часто моргающими глазками в туманный полумрак. В проеме двери элегантно изгибался Александр, облаченный в импозантный фрак, всеми силами стараясь вынуть ключ из непослушного замка. Победив входную дверь, не замечая наблюдателей, он двинулся не в комнату, а подошел к этажерке с телефоном и призадумался, разглядывая телефонный диск.

- О, Александр приперся! Перся, перся, и приперся! Привет! - не вытерпела Шура.

- Здравствуйте, - ответил Александр и обернулся.

- Здравствуй, здравствуй, артист. А чой-то ты во фраке? - хмыкнул Парамошка.

- Переодеться не успел.

- Как там наши творческие успехи? Чехова играешь?

- Нормально. Нет, не Чехова.

- Расстегайчики будешь? - предложила Шура, хлебосольно выдвинув вперед тарелку.

- Спасибо.

- Спасибо, Тетьшура, расстегайчики давай, или спасибо, Тетьшура, не надо?

Ответа на вопрос она не получила. Как только из комнаты показался Саня, наш опе-

реточный герой тут же забыл о существовании соседей вместе с расстегаями. Дальнейшее случилось быстро, действительно будто в провинциальной оперетте, или же в немом кино.

Саня обмер на пороге. Александр поднял трубку. Саня открыл рот, но сказать ничего не решился, так и стоял с полуоткрытым ртом. Александр положил трубку, так никуда и не позвонив. Саня переступил с ноги на ногу, не зная, куда идти. Александр посмотрел на Саню, недолго думая, пружинисто шагнул в его сторону, твердо приблизился и так же пружинисто ударил кулаком в ошеломленное лицо. Размазывая кровь и слезы по щекам, Саня скрылся в комнате. Александр спокойно сел рядом с Парамошкой.

- Так, пацаны, только без драки! Что вы опять не поделили? - подал голос Парамошка, понимая, что ответа не последует. Но сказать-то надо было что-то. Вот он что-то и сказал.

- Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни. Мирно-то нам не живется? Все воевать хочется? - не столько спрашивала, сколько причитала Шура, так же абсолютно не надеясь на ответ.

Скоро из комнаты в прихожую прошмыгнул заплаканный Саня. Одеваясь, он свалил к подножью вешалки всё свое нехитрое имущество: крупную кожаную сумку, крохотный

рюкзачок, увешанный значками и брелочками, несколько полиэтиленовых пакетов с вещами, большой настенный календарь и двухкассетную магнитолау. Кое-как зацепив пожитки дрожащими руками, Саня выпорхнул из квартиры, не захотев, или просто забыв запереть упрямую дверь.

- Так. Понятно, - резюмировал Парамошка, - подразосрались однокашники. Что случилось-то?

Александр молча курил, хладнокровно глядя перед собой. Во всяком случае, со стороны он казался себе именно благородно-хладнокровным, невозмутимым и сдержанным героем какого-нибудь английского классика. Героем, чьи яркие чувства скрывает аристократичная бледность лица. Петрушечной красноты своих щек и кукольно выпученных глаз он, конечно же, не ощущал.

- Понятно. Давай-ка, Шура, еще по одной, - предложил мрачнейший литератор.

- Но только по одной. Тебе еще в редакцию сегодня, - отозвалась Шура.

- А тогда и не надо. Я же совсем позабыл, что опять передумал. Пойду собираться... пресмыкаться, прогибаться, прислуживаться.

- Так я налила уже.

- А ты вон Сашу угости, - ответил он почти раздраженно, уходя в свою комнату.

- Будешь? - недоверчиво осведомилась Тетьшура.

- Да, - как-то неуместно бойко ответил Александр и, не чокаясь, опрокинул полную рюмку.

- Чо случилось-то?

- Да этот урод сказал, что домой поехал, а сам два дня в общаге висел. Теперь уже точно переедет туда навсегда. Я ему говорил. Хочет оттягиваться на уродских тусовках, а не жить нормально, - да пусть хоть облопаится этим делом, я уже в нём не участвую. В смысле, в деле. Ну, в смысле, во всей этой дряни.

- А что за дрянь-то?

- Вы уж простите меня, Тетьшура, но я не хочу об этом рассказывать. Можете мне поверить, там уроды и дрянь. Я ему обещал, что если опять такое повторится, жить будет там. Так что нашу ругань вы больше уже никогда не услышите.

- Тогда за мир во всем мире! - радостно выдохнула Шура и выпила из своей рюмки, - Правда, жалко его, молодюська ведь еще совсем. Может, его просто наказать как-нибудь, а не выгонять?

- Возраст тут не при чем. Помните, я в прошлом году на этом сундуке ночевал, когда с каникул приехал? Вы меня еще белье постелить и раздеться заставляли. Помните?

- Прекрасно помню.

- Ему спасибо. Я ведь тогда не вечером приехал, а с утра.

- И где весь день шарашился?

- Вот именно, шарашился весь день. Гулял по городу, а Санька от меня в общежитии прятался. Даже и не вспомнил, что все ключи у него.

- Ну что ж, бывает. Молодой, пока глупый.

- Возраст тут не при чем. Он обыкновенный молодой подлец. У него тогда родители чуть с ума не сошли. А мальчик, оказывается, на три дня раньше уехал, чтоб в общежитии побалдеть, и ничего никому не сказал. Я догадывался. Переживал, конечно, но больше злился. Правильно он прятался, врезал бы я ему, если б нашел.

- А вот без драки можно было обойтись?

- Я и обошелся. Но, если бы не увидел тогда на Манежной апельсиновых строителей, голова бы моя, наверное, точно треснула.

- Каких таких апельсиновых строителей?

- Я об этом даже целый рассказ написал, «Апельсиновые строители» называется. Вам разве Санька не показывал? Могу прочитать, если хотите. В нем всё так, как и было.

- Давай, прочитай, только я по-бырому тут всё приберу, а то какая-то закусовая у нас получилась. А потом ты считаешь, интересно же.

Шура вопросительно глянула на бутылку и рюмки, но на кухню понесла только посуду. Пока она собирала тарелки, Александр сбегал в комнату, принес пачку помятых листов, исписанных крупными буквами, и приготовился читать.

- Саш, а может нам яичек сварить? У меня из закуски только прянички и конфетки.

- Да нет, пожалуй, не стоит.

- Не стоит, так не стоит. Нам и конфеток хватит, худеть давно пора. Ты меня не слушай, это я про себя. Так чо за строители-то?

- Сейчас всё поймете. Вот. Александр Смирнов. Апельсиновые строители.

17

Сашин голос почти мгновенно унес внимание Шуры в иную, такую любимую, летнюю и милую московскую реальность. Он звучал монотонно и четко, как голос за кадром в хорошем кино:

- На Манежной знойно и тесно. Половина площади отгородилась от людей ярко-желтыми строительными лентами. Жарко.

Рабочие кладут плитку и ставят фонари. Жара.

Ворох шелестящих полосатых лент и яркая бравурная толпа почему-то напоминают карнавал или маскарад. Вернее, ощущения маскарада. Ведь мало кому из нас случалось видеть подлинный маскарад. Сплошные предположения да фантазии. Однако же выглядит он, наверное, именно так – солнечно, празднично, беззаботно. Вернее, ощущается.

Мои же ощущения противны. Во всех смыслах. Не знаю куда идти, где ночевать и что есть на ужин. Ха.

Телефоны всех друзей предательски молчат, вот и приходится слоняться среди беззаботного карнавала чужих мне соотечественников. Ха-ха-ха.

Свободная скамейка только на самом солнцепеке. Фу.

Вот и приехал. Сижусь на раскаленных досках, потею и злюсь. Сегодня все обо мне крепко-накрепко забыли, и первыми это сделали ключи от квартиры. Да ну их всех.

Прямо под ноги прикатился апельсин. О! Пронзительно оранжевый глянцевоый шарик. Прямо новогодняя елочная игрушка. Странно, но никто из шумящей толпы за ним не прибежал. То ли это тетушка с четырьмя авоськами его выронила, то ли парни с овощными ящиками поленились подобрать. Стало быть, он теперь мой. Ну, тогда – с Новым годом! С моим новым

московским годом! Ведь бывает еще и новогодний маскарад, там-то апельсины и дают. Так.

Пока есть время, надо чего-нибудь запланировать или о чем-нибудь помечтать. Планировать и мечтать необходимо крепко, со вкусом и, желательно, до галлюцинаций. Так, чтобы раскрутить весь этот невеселый карнавал в какую-нибудь совершенно иную сторону. Пусть не в реальности – хотя бы в ощущении.

А если представить, что всё у меня уже сложилось, и вот он я, точно такой же, сижу на точно такой же Манежной площади? А рядом точно такие же строители, соотечественники, и апельсин.

Два немолодых мужика в ярких майках и шортах фотографируют кремль. Камера у них мощная, с огромным объективом, одежда фирменная, сумки импортные. Да и лица у них какие-то импортные, сытые, довольные. Вдруг мужики обнимаются и начинают целоваться. Причем, по-настоящему, долго. Вот это да! Прямо на площади, прямо у всех на глазах. Так-так-так. Издалека к ним бежит милиционер, вернее мент, вернее даже не мент, а ментик совсем молоденький. Что-то сейчас будет. Добежал. Козыряет. Видимо, документы требует. И тут легонький ветерок доносит до меня зычную английскую речь. Ментик обескуражено

kozyряет, похуже, извиняется. Мужики-то действительно импортные. Как же всё-таки естественны, раскованы и очень органичны эти западные люди. Наши так не умеют. Вот развернулись и, как ни в чем не бывало, дефилируют вобнимочку к Александровскому саду, а растерянный, угловатый ментик смотрит им вслед.

Значит, так. Все у меня сложилось. За углом стоит автомобиль, я уже накопил всякой всячины для новенькой квартирki. Вот передохну немного, и вернусь к налаженному ритму, верным друзьям и творческим успехам.

Довольно аккуратная, но уж больно старенькая бабулька исследует внутренности мусорной урны. Больно старенькая – чрезвычайно точное определение. Есть такие старики, на которых больно смотреть. Вроде бы всё у них в порядке, и не болеют, и дети рядом, а взглянешь случайно, и прямо сердце оторопью сводит. Жалко.

Тучный и очень красный парень отдает ей пустую пивную бутылку, что-то говорит, пальцем в урну тыкает. А что тут говорить? Чем тут поможешь? А вообще-то молодец. Купюру из кармана достал. В руки ей вкладывает. Молодец.

Итак. Творческие успехи.

Из толпы вываливается пьяненький парняга. Рот до ушей. В руках у него две бутылки

шампанского и пачка пластиковых стаканчиков. Шумно и весело предлагает каждому встречному с ним выпить. Многие соглашаются. Свадьба что ли? А где же невесту потерял? Очень скоро выясняется, что сын у него родился! Поздравляю! Шампанское холодное, вкусное. Поздравляю.

Значит, успехи.

На отгороженную пустынную часть площади неизвестно откуда взявшийся свежий ветерок выносит большущую связку оранжевых воздушных шаров. Красиво. Девчушка в кукольном кружевном платьице, выпустившая их из рук, заливается острым визгом. Бедненькая.

И тут со всех краев площади, бросив работу, срываются строители. Они пытаются поймать непослушные шарики. Ветер уже распутал нитки, разбросал шары в разные стороны, и, похоже, забавляется. Взрослые крепкие мужчины в оранжевых жилетах и касках весело носятся по Манежке и ловят оранжевые воздушные шары. Смешно. Как будто на чисто вымытый пол кто-то высыпал несколько десятков апельсинов. Поймали! Довольные, запыхавшиеся, яркие, апельсиновой толпой движутся в нашу сторону. Девчушка хохочет. Молодцы!

Как-то мне не мечтается сегодня. Простая жизнь оказалась вдруг намного интереснее и ярче самых смелых грез и творческих успехов. А

может быть, не только сегодня? А может быть, она такая всегда?

Пойду в жизнь!

Спасибо вам, апельсиновые строители!

18

- Всё, - осторожно сообщил Александр, собирая листы с сундука.

- Здорово! Это ты вот так вот можешь писать? - уважительно спросила Шура.

- Ну.

- А чо тогда не пишешь? Знаешь ведь, сколько Парамошке за статейку дают. Вот и ты давай, пиши! Попашешь - попишешь стихи.

- Я - актер.

- Ну и что такого? Вечером играй себе, а днем рассказы пиши.

- Это невозможно. Чтобы вечером нормально сыграть, не только днем, но и ночью иногда приходится работать. Да и потом, каждый должен делать свое дело. А мое главное дело - сцена.

- Всё понятненько, не твое, мол, Тетьшура, собачье дело, так что ли?

- Я совсем не об этом. Дело в том, что каждый, кто хоть немного и хоть в чем-то одарен,

должен ощущать постоянную ответственность перед этим своим даром. Наши знаменитые старики учат нас именно этому. Мы ведь работаем всем самым лучшим в себе, мы говорим людям о чем-то самом важном и главном. А бестолково, невнятно и, уж тем более, фальшиво о важном и главном говорить, по меньшей мере, стыдно. Это могут позволить себе только бездарь. Такая вот профессия.

Парамошкина дверь отворилась, пропуская на площадь хозяина, уже аккуратно одетого, как говорится, во все чистое, и настолько же чистенько выбритого. Из подмышки у него торчала наполовину прикрытая пиджаком белоснежная канцелярская папка с тесемками, по объему очень похожая на рукопись в руках Александра.

- Что за профессия? - спросил Парамошка.

- Парамоша, скажи-ка, сколько тебе за страницу дают? - суетливо перебила Шура.

- На бутылочку приличного коньячка хватит.

- А сколько в рассказе страниц?

- Рассказы, Шура, разные бывают.

- Ну, в самом маленьком.

- Ну, в самом маленьком десятка два-то будет.

- Вот это да! Это ж получается двадцать бутылок коньяка!

- Шура, это ведь за всякое разное заказное фуфло деньги на коньяк дают, - уныло усмехался Парамошка, - а приличные рассказы никто сейчас печатать не хочет. И что это за тема такая у вас интересная вдруг возникла? Уж не дамские ли романы или фантастику вы собрались тут без меня писать? А? Гении, блин, современностные.

- А вот... Александр у нас настоящий рассказ написал!

- Зачем же вы, Тетьшура? Я ведь только вам, - обиженно буркнул сконфуженный автор, уходя в свою комнату.

- Ой, - осеклась Тетьшура, прикрыв обеими руками рот.

- Ой, - поддержала ее Хася, выходящая с кухни.

- Ой, ой, ой... - засмеялся Парамонов, провожая взглядом Александра, - Что, правда, рассказ?

- Еще какой. Только давай мы с ним пока об этом говорить не будем. Он же мне чего-то совсем другое хотел рассказать, а я как дура прицепилась к этому рассказу. Что-то про важное и главное.

Шура заботливо одернула парамошкин пиджак и расстегнула верхнюю пуговку его тесной рубашки.

- Люблю я вас, добрые мои соседи! Люблю. Если текстик сегодня спихнуть получится, часть

гонорара обязуюсь на коньяк потратить! Только ничего не пишите больше, пожалуйста, – лирично ухмылялся благодарный великан.

– Да пожалуйста! Я вот почитать люблю. Булгакова там, Дюма, Маринину. Так что пусть пишут все эти гении современные, а я просто почитаю.

– Шура, лучше все-таки говорить – гении современности. Кстати говоря, еще одному гению передай, что в пять у него примерка.

– Да ну вас всех, и современных, и современностных. Пойду лучше на кухню заниматься прямым и точным делом. Уже полдня решаю ваши основные вопросы современности. Десятка два уж нарешала. Стою вся красная, руками машу, а борщ почему-то не варится.

– А я займусь кривым и неприличным делом. Но есть у меня такое крепкое подозрение, что коньяка сегодня я вам доставлю, – кисло улыбнулся великий литератор на выходе из квартиры.

Тетьшура помахала ему вслед салфеткой, забрала бутылочку и рюмки, отнесла на кухню, вернулась с влажной тряпкой, и вполголоса запела, протирая крышку сундука:

– Луч солнца золотого туч скрыла пелена. И между нами снова вдруг выросла стена. Ля-ля-ля... Ля-ля-ля... Ля-ля-ля... Ночь пройдет, наступит утро ясное. Знаю, счастье нас с тобой

ждет. Ночь пройдет, пройдет пора ненастная. Солнце взойдет. Ля-ля... Ля-ля... Солнце взойдет...

19

Краем глаза Шура отметила непривычное движение в самом дальнем углу квартиры – местечке статичном, пустынном, затененном, крайне редко посещаемом жителями. Но поначалу не придала этому значения, даже головы не повернула. Нотки и тряпка целиком и полностью занимали ее внимание.

Из темного угла, сквозь расплывчатое отражение в тусклом зеркале, за ней следил Славомир, бесшумно вышедший из комнаты, беззвучно заперший замки, бесстрастно изучающий соседку, глядя поверх квадратных очков в тяжелой роговой оправе.

Полы его длинного пальто почти касались пола. Кожаная шапка с каракулевыми вставками напоминала то ли фуражку, то ли картуз. А из-под пальто мерцали черной кожей только что вычищенные зимние сапоги. Спрашивается, к какой эпохе принадлежал его визуальный облик? А ни к какой. Подобная одежда одинаково хорошо сгодилась бы и в девятнадцатом, и в двадцать первом веке. Дородное лицо с

холеными усами тоже не принадлежало моде определенного времени, и было одинаково актуально что для статского советника, что для купца первой гильдии, что для главного бухгалтера. Лишь пузатая барсетка из кожзама рифмовала его образ с текущей эпохой.

- О, Славомир Борисович. А вы когда пришли? Что-то я не углядела, - спросила Шура отражение, заметив фигуру у зеркала.

- Здравствуй, Шурочка, здравствуй. Ну и что, что не углядела. Сейчас-то видишь?

- Вижу.

- Вот и молодчина. Ты с народом поговорила?

- Нет еще.

- Ты, Александра Ивановна, говоря откровенно, очень безответственный человек, - гнежливо басил Славомир, - всё успела за сегодня сделать - и выпить, и попеть, а про самое важное забыла. Как так? А как ты запоешь, когда нас расселять начнут? Назрела предельная актуальность решения. Судебные приставы твоих песен слушать не станут, возьмут все шмотки, и на Арбат вынесут. Пора уже соотноситься в ситуацию!

- Да поговорю я. А что, уже скоро придут? Хася ведь еще живая.

- Живая, - закивала Хася.

- Живая-живая. Но Гаврилыч говорит, что мужик, который нашу квартиру приглядел, совершенно спокойно может опеку подключить и даже психушку. Очень серьезный человек. А не станет старушки, всех вас отсюда попрут. Так вот. Мне-то что, я прописан. Пусть даже в Бирюлево, а квартира какая-нибудь мне всё-таки достанется. Тем более, это ведь не единственное мое жилье; у жены квартирка есть, у родителей комнатка. А вы? Я ведь, говоря откровенно, не только о себе думаю - вас жалко, такой вариант пропускаете. Пожалеете потом о происходящем тому, что было не сделано. Вот так. Когда у вас еще получится так просто квартиру в Москве получить, да еще и с пропиской? Еще раз повторяю - не в центре. Риэлтор не фокусник, не благодетель, он себе в убыток работать не будет. Но пять недорогих квартир у него на данный момент имеется, значит, надо успевать, дорогой мой огуречик.

- Да поговорю я, Славомир Борисович. Хася тут постоянно трется, а у меня при ней не получается.

- Её что, действительно зовут Хася?

- Хася.

- В таком случае, при чем тут Евгения Петровна?

- На Евгению Петровну она лучше реагирует, а в документе написано - Хася Пинхусовна. Только вот фамилию не помню. Самое

интересное, что и у Саши Гаврилыча в ДЕЗе какие-то там бумаги потерялись. А они, наоборот, кроме фамилии ничего не знали, пока я не помогла. Он ведь, когда переписывал данные всех проживающих, видел ее пенсионное. Дней пять я за ней ходила. Паспорта так и не добилась, а вот пенсионное нашли. Сама принесла, поняла вдруг, что документы спрашивают. Дряхлая такая картонка, вонючая.

- Ваша Хася, говоря откровенно, тоже дряхлая и вонючая. Как вы тут вообще можете жить, бедные. Про святых каких-то воет постоянно. Дурдом. Вы бы хоть ее помыли, что ли. Да и коридор давно прибрать пора, весь этот хлам повыбрасывать. Скоро уж квартиру смотреть придут, а у нас, как на свалке тут. Надо прибрать.

- Я прибираюсь.

- Видимо, плохо прибираешься, гений современностный. Хасю хотя бы помой как-нибудь, певица.

- Хасю трогать нельзя, она плачет.

- Ну и пусть плачет.

- Жалко ее.

- А себя тебе не жалко? Молодая здоровая женщина. Говоря откровенно, рожать ведь уже пора, дом нормальный обустраивать, мужика хорошего искать.

- Я поговорю сегодня, - неуверенно пообещала Шура.

Она так и смотрела через зеркало, как Славомир Борисович, направляясь к выходу из квартиры, аккуратно пристраивал увесистую связку ключей в барсетку, как остановился в дверях, как оглянулся.

- Чуть не забыл, - многозначительно добавил грозный сосед, - Александр Гаврилыч просил вам передать, что если ничего не получится, на работу больше можете не выходить. Говоря откровенно, без прописки вас на работе он уже не имеет абсолютного права держать. Такая вот, Шурочка, назрела ваша ситуация. Всего доброго.

20

Во все глаза Шура глядела в потолок: она его увидела впервые.

Сидела на сундуке и смотрела, смотрела. А Парамошка оказался очень прав - простая красота кругом висит, но она незаметна. Надо уметь такую красоту подмечать. Вот же: слоистые рифы облупившейся краски, омываемые течением ржавых разводов, оставшихся от протечек. Прелесть какая! На что они походят? На горы в облаках? На скалы в море? Чтоб это всё

увидеть, смотреть на это надо с задранной башкой, сразу переворачивая картинку внутри головы. Такое надо уметь. Мы этого не делаем. А, может быть, когда бы делали, были другими бы? Были бы лучше? Мы и на звезды-то поглядываем мельком, по жизни их не замечая. Чем-то заняты всё время, чем-то тем, что не вверху, а справа или слева, чем-то плоским. Годами же взглянуть наверх не можем, не хотим, не знаем как, не помним о самой возможности взглянуть.

Ладно, потолок потолком, а надо было дальше как-то жить. Шура опустила голову и увидела Хасю. Ляля моя! Существо присело у стенки сундука совсем как махонькая собачонка ничерта не понимающая, не думающая, не соображающая, только выражающая чувство сильнейшей преданности сильному хозяину, глядя снизу вверх и мелко виляя головой, как хвостиком.

Немного придавив сжимающееся сердце, Тетьшура тихо спела:

- Когда вам одиноко, и грустно отчего-то. И хочется что-то понять. Пойдите и найдите седого звездочета. Он здесь, он рукою подать. На все вопросы в мире есть у него ответы. Прочел он три тысячи книг. Он вычислил все звезды, он видел все планеты. И он позволит вам взглянуть на них.

- Живая... я... - подпела Хася из-под сундука.

- Живая, да, - задумчиво ответила ей Шура.

- Ой, - вздохнула Хася.

- Ой-ё-ёй, - отозвалась Шура.

- Хи.

- Хи-хи.

- Псы.

- Чипсы надо говорить, а не псы, Хасечка.

- Ничего.

- Ну, да. Ничего страшного. Слушай, Хасечка, счастье-то над нами, оказывается, всегда висит, целыми днями, а мы его не видим никогда.

- Люди.

- Да уж, люди... Ты бы, Хася, расстегайчиков еще поела, я там положила. Хочешь кушать?

- Кушать, кушать, - ликующе поскуливала старушонка, поднимаясь с колен. Она прекрасно выучила, где дают еду, и на слово «кушать» сразу же, как и теперь, неслась на кухню к своему столику, к месту кормления.

«Какая она крепкая пока, сухая, хрупкая как будто с виду, прямо будто бы соломинка, а на

самом деле еще жилистая, живая, – думала Тетьшура, – да, как соломинка. Какая же выносливая скотинка – человек. Не умрет она так просто. А и не надо, пусть себе живет. Хотя, блин, что это за жизнь? Помереть-то ей сейчас всяко-разно лучше будет».

Как-то нехотя, чуть ли не через силу, Шура подошла к комнате Сашек и, не сразу решившись, постучала. Тут же открылась совсем другая дверь, входная.

Ой! В квартиру вплыл высокий голый манекен без головы, поддерживаемый за талию мелким Антоном. Шапито! Коротконогий модельер, замотанный слоями стильного тряпья и ярких шарфов, боялся выпустить громоздкую ношу из рук, а получалось – жадно обнимал за обнаженный торс неповоротливую длинноногую модель. И всё же он его уронил, этот предмет своих вождлений, пытаясь закрыть строптивую дверь. Выглянувший из комнаты Александр удивленно смотрел вместе с Тетьшурой на то, как Антон, ползая по полу, старательно прилаживал отвалившиеся руки и ноги манекена на место.

– Антош, ты зачем бабе руки отломил? Ничего не понимаю, – ехидничала Шура, – ты вот тут всякой ерундой занимаешься, а у тебя в пять примерка. Нинка нам про нее все уши продудела.

– Я знаю. Вообще-то, это мужской манекен.

- Так это ты на этого урода что-то примерять собрался?

- Да нет, - поморщился Антон, - мне в пять эротическое шоу одевать, а манекены, это мы на мусорке за универмагом нашли. Только это, только вот головы кто-то уже утащил. Ясно вам? Бутик, наверное, витрину обновляет, вот и это, выбросили. Это, конечно же, товарные манекены, а надо бы где-нибудь пару портняжных найти. Но пока нам и они сгодятся. Между прочим, никакие это не уроды, это идеальные человеческие пропорции.

- Почему ты о нем во множественном числе говоришь?

- Их семь. Хорошо, что это, Парамонова встретили, всех уже дотащили к подъезду, сейчас будем поднимать.

- Стесняюсь спросить, а как ты их в комнату к себе запихаешь, семерых-то, интересно мне знать? Сам-то ты, наверное, там еще поместишься, а вот Нинку твою туда уже не засунуть. Она же у тебя вон какая модельная модель, придется ей на сундуке ночевать.

- Вообще-то, Нина стилист, а не модель. Может, мы все-таки манекены в коридоре поставим? Он же у нас вон какой огромный, хоть на велике катайся. Никому они не помешают же?

- Да я-то не против, только сегодня опять Славомир приходил, и опять разблажился. Мол,

грязно у нас и хлама много в коридоре. А мне лично нравится – всё такое старенькое, миленькое. Да и чистенько всё. Я же полки почти каждый день подтираю, вы же видите. Паскудный он все-таки мужик, этот Славомир. Хорошо хоть, что жить не хочет в этих своих комнатах, а то бы мы с ним разгавкались. Подлый он.

– Так мы его пока сюда поставим?

– Кого?

– Манекен.

– Да ставьте, мне-то чего.

Разговор прервал входной звонок, на обычный звонок совершенно не похожий. Скорее, прозвучал какой-то звонкий скрип, отдаленно напоминающий звонок велосипедный, или, например, трель механического будильника.

Об этом по нынешним временам редком звуке надо рассказать, ведь бытовые ноты определенного времени выветриваются из человеческой памяти прежде одежды, повадок, красок или слов. Да, звук велосипедного звонка, автоматичный, точный, но при этом колокольный, что ли, зычный, тонкий. Нет, не колокольный, колокольчиковый. Этот, когда-то остромодный звук, обыденный для россиян купеческо-мануфактурного века, да и советских граждан тоже, столь же непонятен уху

современного мальчишки, украшенному серьгами, люверсами и проводами наушников, как конский топот по брусчатке и дальний духовой оркестр на бульваре или в парке. Звуковые непонятки времен взаимны. Попробуй, объясни купеческому сыну или институтке смысл автосигнализаций, моторного рокота, домофонных звонков, рингтонов и радиоджинглов.

Шура открыла дверь.

- Зачем закрылись-то? Нам еще носить и носить, - недовольно бурчал упревший Парамощка, втаскивая в квартиру пару собранных манекенов, самочку и самца.

- Да я как-то это, по инерции, простите, - рассеянно извинился Антон.

Устанавливая манекены вокруг Шуры, Парамощка балагурил:

- Гляди, Шурочка, какие красавцы к нам заселяются - любо-дорого поглядеть. Такие же безголовые, как и мы. С сегодняшнего дня - на целых семь жильцов больше. Обрати-ка внимание. Впечатляет?

И похлопал, охальник, идеальные пропорции паховой зоны кукольного мужчины.

- Да ну тебя, дурак.

- А по моему весому, солидно и статусно!

- Ты хоть до редакции дошел?

- Ага, дойдешь тут с этими современными гениями модельного мира. Антон, ты, кстати, чем занимаешься – прет-а-порте или откутюр?

- Я занимаюсь дизайном одежды, прежде всего. А уж, к какому виду ее отнести, зависит от заказчика или критиков. Коллекции делаю и те, и другие. Сейчас вот шоу одеваю для ночного клуба.

- Эротическое, – улыбнулась Тетьшура.

- Эротическое шоу раздевать полагается, кутюрё моё! – назидательно посоветовал Парамошка.

Антон отвечал жарко и нервно, то ли потому что так и не сумел приладить своему манекену руки и ноги, то ли от высочайшей актуальности темы. Почти выкрикивал, размахивая руками, держа в них манекенные руки:

- Я два месяца над этими костюмами работал. Эротика – это искусство, как и хороший эротический костюм. Это высокое творчество!

- Так они у тебя там в костюмах и галстуках пляшут что ли? – сбила его патетическое выступление Шура, невинно хлопнув глазками.

- Шура, не срамись. Костюм сценический имеется в виду. Все вот эти тряпочки, которые они там снимают, Антоша на них и наряжает, – разъяснил Парамошка.

- Ничего они не снимают, это же не стриптиз. Это. Выпустим программу, обязательно на премьеру позову. Это надо видеть! Пойдете?

- Меня лучше на примерку позови, - покатился со смеху литератор, предчувствуя новый комический повод для еще одной шутки, - я хоть и не гинеколог, но посмотреть могу. Давай, ты скажешь, будто я какой-нибудь младший модельер, а я сантиметриком там чего-нибудь у них поизмеряю. На сцене же самое интересное прикрито. Твоими костюмами, между прочим.

- Ой, какой же ты паскудник, Парамоша. А еще меня стыдишь. Я вообще туда не пойду. Вон, пускай Сашки идут. Шумно в этих ночных клубах и все всегда пьяные.

- А ты, блин, всегда трезвая.

- Я пью маленько всегда, и только для настроения.

- Видишь ли, Антон, спасибо тебе, конечно, но не пойдем мы никуда. Идиотские из нас посетители ночных клубов получатся. Действительно, пускай вон, наши Сашки идут. Не гламурные мы нифига (терпеть не могу этого вашего словечка). Давайте уже вниз спускаться, всех остальных истуканов твоих принесем. Мне еще в редакцию сходить надо.

- Парамош, а можно ребята без тебя этих болванов принесут? - спросила Шура, - Саша

ведь Антоше поможет? Мне с тобой сильно поговорить надо.

- Опять о рассказах?

- Да нет, про другое.

- Хорошо. Только, парни, вы сначала руки-ноги несите, а потом уже туловища. Целиком они уж больно тяжелые, неудобные. Руки у них все время отваливаются, шарниры разболтались, я потом подтяну. И дверь не закрывайте, чо ее закрывать-то?

Парни, согласно кивая, выскочили за дверь, а Парамошка экскаваторными ладонями как-то моментально и ловко приладил к торсу пластиковые руки, вернул на место вывернутые ноги, в общем, собрал и поставил третьего манекена, найдя тому более устойчивое положение.

- Руки у тебя какие золотые, Парамошечка, - хвалила Шура, грустно улыбаясь, - Вот когда уже разъедемся, как жить-то без тебя?

- Вот новости! Как разъедемся?

- Расселят нас, наверное. Поговорим?

- Вот еще новости. Пойдем!

Повиснув всем телом на руке Парамонова, Тетьшура беззвучно и сбивчиво шептала в благосклонно склоненное мясистое ухо гиганта свою ужасно секретную информацию. И без того крупные глаза Парамошки округлялись с каждым понятым словом. Шурочка в эти глаза не

смотрела, боялась взглянуть, воровато зыряка по мебели, стенам и манекенам. Выпалив последнюю из явно заранее заготовленных фраз, она потащила собеседника на кухню.

22

Под ноги манекенов легли две отчетливые тени.

В косых лучах кухонного солнца по пустынному полу жилплощади ползали длинные силуэты, размахивая руками, иногда широко разлетаясь по сторонам, иногда приближаясь друг к другу вплотную. Короткая сцена театра теней на коммунальном планшете, как на экране, прекратилась так же быстро, как и началась. Солнышко спряталось, вернув реальному пространству реальные черты. Обычный пол, едва-едва побыв экраном, снова стал зашарканным паркетом.

Из-за приоткрытой двери туалета высунулась Хася. Медленно двинулась вперед, доплелась до первого манекена, подробно ощупала. Призадумалась и тихо сказала:

– Люди... Святые люди...

Из кухни вышел Парамошка, но сразу остановился, подперев плечом дверной косяк.

Стоял и долго наблюдал за передвижениями существа.

- Люди, - повторила Хася.

- Так чо нам делать, Парамош? - громким шепотом спросила Шура, выглянув из-за его спины.

- А ничего не делать. Жить-поживать, да Добрана жевать. Всё свое детство несмышленное пытался понять, какого такого Добрана они жуют в конце каждой сказки. А еще... Я совсем еще недавно был совершенно уверен в том, что воробьи - это птенцы голубей. Мне ведь в детстве так и не объяснили, что это просто разные птицы. А еще я верю в домовых и в то, что обижать их нельзя ни при каких обстоятельствах.

В раскрытую входную дверь ввалились довольные собой Антон и Александр, заноса в квартиру перевязанную веревкой своеобразную поленницу или вязанку хвороста, состоящую из рук и ног манекенов.

- О! Куча дров, о-о, - спела Шура.

- О, - подпела ей Хася.

- О-го-го, - отозвался в унисон им Парамошка, - вот это номер! Bravo- bravo- bravo- bravo! Изобретательно! Да вы же, ребяташки, просто носильники-прикладники! Я бы даже сказал потаскуны-новаторы! Мастера высоких такелажных технологий, а также инновационных погрузочно-разгрузочных методов.

- Ужас-то какой, - сказала Шура, разглядев вязанку.

- Шура, родная, ужас-то совсем в другом, совсем не в расчленёнке этой.

- А в чём?

- Да в голове твоей наивной.

- Там только торсы остались, - задорно кукарекнул Александр.

- Знал бы ты, родной, что ты сейчас сказал, - расхохотался Парамошка, - но если говорить о манекенах, я бы назвал эту их деталь организма тушкой, а не торсом.

- Жалко, что голов нет. Они бы мнегодились, - вздохнул Антон.

- Всем бы нам они сейчасгодились. Вы, ребята, без меня с этой расчленёнкой разберетесь? А то ведь редакция работать долго не любит.

- Разберемся, конечно, спасибо вам, Александр Ильич. На премьеру всё-таки приходите, мне очень интересно ваше мнение. Это. Я бы вас с продюсером познакомил - может быть, вашему изданию актуальна и эта тема. Мы уже давно про PR-материалы говорим. А шоу, честно говоря, у нас просто классное получается, - оживленно говорил Антон.

Парамонов кивнул.

- Посмотрим, посмотрим. В смысле, шоу твое посмотрим.

- Тогда и я пойду, - решила Шура, - А там можно, чтобы много народу? В смысле, чтобы мы все вместе были? А то ведь видимся все всегда по отдельности, ни разу не было, чтоб вместе.

- Ты еще Хасю Пинхусовну с собою возьми обязательно, ей же оно чрезвычайно необходимо, модельное шоу-то, - с наигранной серьезностью посоветовал Парамошка.

- Да ну тебя, я же серьезно.

- Я думаю, проблем не будет, завтра возьму входные на всех, - пообещал Антон.

- Здорово! - обрадовалась Шура.

- Вы-то пойдете? - обратился Антон к Александру.

- Скорей всего пойдём, ага, - ответил тот.

Что-то Александр еще хотел сказать, даже рот уже раскрыл, но его перебило резкое появление Нины с туловищем четвертого манекена в руках, которое она практически сразу швырнула на пол.

- Можно поаккуратнее? Мне с ними еще работать, - мягко упрёкнул ее Антон.

- А со мной? Пока там вас ждала, уже ангину заработала. У вас тут, видимо, очень важные беседы, но обо мне можно было бы вспомнить, Антоша.

- Прости пожалуйста.

- Пожалуйста. Они, между прочим, там без присмотра остались. Может быть, их уже кто-нибудь принесет?

Парамошка брезгливо сморщился, его аж передернуло всего. Даже легонький запах конфликта вызывал у этого безмерно гуманного исполина реальный рвотный рефлекс.

- Принесет, принесет. Ну что, парни, пойдём? - призывно спросил он, шагая к выходу.

Парни динамично двинулись за ним, а Нина, распахнув короткую шубку, уселась на сундук и закурила. Тетьшура некоторое время собиралась с мыслями и духом, а потом загадочно спросила:

- Нин, а как в ночные клубы одеваются? Ну, в смысле юбка там или штаны? Или вон платье такое, как у тебя надо?

- Это зависит от клуба или от программы. В демократичном клубе можно и джинсы приличные себе позволить с элегантным топом, а в элитарном - очень много требований. Чаще всего - коктейльное платье.

- А в каком типе клуба у вас шоу ваше будет?

- Что? В типе клуба?

- Ну.

- В демократичном.

- Здорово!

- Какие странные вопросы. Неужели ты поклубиться собралась?

- Собралась.

- Круто.

- Давай посидим на кухне, я тебе расскажу.

- Ну, давай, - покровительственно усмехалась Нина, уходя за Шурой в кухню.

- Люди, - едва слышно выдохнула Хася, продолжая всё это время осторожно изучать появившиеся в ее пространстве неестественные, непонятные предметы.

23

Цвет тел у манекенов был совершенен и приятен.

Они были новёхонькие очень, эти манекены, в отличие от грузчиков, их заносащих в ветхое жильё. Цвет лиц у Александра и Антона, волокущих на жилплощадь кукольные торсы, не радовал глаз ни розовой прелестью свежего мяса, ни глянцевою гладкостью кожных фактур.

Физиономии ребят были серыми, как и пространство вокруг. Такими же монохромными, как вешалка, обои, сундук, велосипед. Хорошие лица, понятные, четкие. Лица людей с биографией. Графичные, дерзкие, точные, черно-белые, но ясные и живые. Хорошо они

контрастировали с наглой и, в общем-то, воистину пошлой, мещанской, кукольно-визуально проявленной идеей человека в пространстве, с которой ребята возились.

Не-а, истинно яркий человек совсем неярк в бытовой среде, он там чаще сер и слаб. Великолепен он в определенных обстоятельствах, да в специально отведенных местах, и то не постоянно – редко, или изредка.

– Ну, например, ведущими программы, а может быть аниматорами, – говорил Антон, опять размахивая манекенными руками.

– Как бы, в подтанцовку что ли? – выпрашивал Александр.

Ребята увлеченно продолжали диалог, начатый еще на лестничной площадке.

– Ты это слово больше не употребляй, это непрофессионально. Вообще-то, это называется эскорт-балет, но в кулисах их называют зажигалками.

– Понял. Публику заводить?

– Ну.

– А нас возьмут?

– Если кастинг пройдете, возьмут. Вы же актеры.

– А деньги сразу дают?

– Конечно сразу. Еще и всех после работы по домам развозят. Программа часа в три уже заканчивается, дальше только танцпол. Да и не

нужна в это время никакая программа, все уже кривые.

- Ты вот про костюмы говорил. Они дорогие?

- Это же из моих старых коллекций. Я их вам просто так отдам. Подберем чего-нибудь, подгоним, не волнуйся.

- А режиссер этот откуда?

- А пес его знает. Да и не режиссер он кажется, а хореограф. Но программу делает он. Это. Сегодня на примерке с ним поговорю. Вам бы только войти в эту систему, влезть. А когда освоитесь, может быть, номера свои сделаете, может быть, запоете. Это. У вокалистов совсем другие деньги.

- Спасибо тебе огромное!

- Огромнейшее тебе пожалуйста!

- Слушай, а ведь права Тетьшура оказалась. Столько времени в одном доме прожили, а поговорить нормально ни разу не получилось. Спасибо твоим манекенам. Спасибо вам, сиятельные доны!

Сняв воображаемую шляпу и сымитировав классический испанский поклон, Александр продолжил:

- Спасибо вам, о доны!

- Зато поругаться получалось, - прибавил Антон.

- Так нервные же все.

- Но теперь-то пообщаемся? Может, и поработаем вместе?

- А ты спектакли оформлять не пробовал?

- Пока не приходилось.

- Как говорит Парамошка, есть у меня такое крепкое подозрение, что придется тебе это дело попробовать. Я ведь о режиссуре серьезно думаю, а без хорошего сценографа хорошего спектакля не сделать.

- Давай попробуем. Я с театрами никогда не работал. А что это за реверанс ты тут исполнял?

- Это не реверанс. Просто у нас на движении сейчас Испания средних веков. Дико интересно. Плащи, шляпы, шпаги, даги, сапоги. Каждый жест в этикетном поклоне тогда был очень символичен. Хочешь попробовать?

- Давай попробуем.

Вышедшие из кухни Тетьшура и Нина застучали своих парней за странным занятием. Александр подробно и методично показывал, как надо делать поклон, а корявый Антон неуклюже пробовал показанное повторить.

- Нет, ну ты только посмотри! На минуту оставить нельзя! Ведут себя прям как дети! Напьются-накурятся, и давай к манекенам приставать, - высказалась Тетьшура.

- Действительно, вы чего это? - удивилась Нина.

- Ты, соседка, только погляди на них! Наши-то сегодня - лучше всех! Вон, какие нарядные. Признавайтесь уже, пацаны, чего курили?

- Да не курили мы ничего. Просто это поклон... испанский... - смутился Антон.

- Этикет средних веков, - не менее смущенно вставил Александр.

- Антоша, нам уже на примерку пора. Я с Шурой договорилась, она сегодня с Яном посидит.

- Так мы его дома оставим?

- Конечно, Шура ведь посидит.

- А кормить?

- Она и покормит.

- Да не пугайся ты, папаша. Я умею. Я уже не одну деточку выкормила. Давайте, показывайте, где у вас тут кашка, кефирчик и прочие памперсы, - кричала Тетьшура, впервые входя в сакральную комнату дизайнеров моды.

Александр и Антон переглянулись.

- Ничего себе... Это... Чудеса...

- Ага. Похоже, помирились...

- Спасибо вам, сиятельные доны! - поклонился Антон манекенам.

- Спасибо вам, сиятельные доны! - подыграл Александр.

Как только умиротворенные дамы вышли обратно, молодые люди, не сговариваясь,

отвесили в их сторону изысканный, нарочито многоступенчатый поклон.

- Спасибо вам, сиятельные доньи!

- Я вот чего думаю, Нинуш. С тощего-то взятки гладки. Отрезанный уже ломоть – артист. А твой-то куда? Тоже мне, дон Сезар де Базар, – усмехалась Шура.

- На примерку он сейчас пойдет, вот куда! – радовалась Нина.

- На примерку! На примерку! На примерку! – ликовал Антон, пока Нина волокла его, продолжающего кланяться, к выходу.

- Саш, а ты-то не удираешь еще? – наконец отдышавшись от смеха, спросила Шура.

- Вообще-то, скоро уже пойду.

- Саш, разговор есть.

- Долгий?

- Да нет, Саша... Об этом... О важном и главном. Только, давай, в твоей комнате. Я хоть посмотрю, как вы там живете. Заодно и потребяски ваши заберу, вечером в машинку запишем, выстираем. Давай поговорим, а? Поговорим?

- Поговорим.

Тетьшура, повиснув на руке Александра, увлекла его в комнату и прикрыла дверь.

24

Полупрозрачной тенью среди высоких манекенов медлительно бродило маленькое существо, кропотливо ощупывая крупные торсы, руки, ноги, ягодицы. Хася опять исчезала. Было уже не разобрать, улыбалась она или морщилась. Темное, обильно заштрихованное морщинами личико, напоминающее печеное яблочко, обернутое ветхим носовым платком, растворялось в сумерках раннего вечера.

С пространством жилплощади опять происходила уже знакомая мне метаморфоза, в него опять возвращалась цветочная зелень, уют и ухоженность, опять из него начисто пропадали все унылые прелести коммунального быта. Однако же, манекены стояли как вкопанные, они оставались и тут неизменными.

Я вновь подглядывал за коммуналами, как за собой. Вот именно тогда меня и осенила, в сущности, нехитрая истина: наблюдаемый мир здорово зависит от наблюдателя. От его состояния, знания, личности, настроения, памяти. Это как посмотреть. Объективность и реальность – не подруги, но и не враги. Они, всего-то навсего, не знают о существовании друг друга. Нюансы у них разные, а сущности одни и те же. Как вдруг всё просто оказалось в наблюдениях за миром с разных точек зрения, и в

разных ракурсах просмотра. Объемы замечательных подробностей были отличны, суть – одна. Однако же в определенные моменты эти подробности жутко зашкаливали, меняя суть до потрясений, до неузнаваемости. Надежда тут была на крепость мозга, силу духа, на душевное здоровье наблюдателя.

Какая нежная, зыбучая субстанция – обычная драматургия мира, глаза да глазоньки за ней!

25

От кухонного окна приятно сквозило, оно пахло зимой.

Стоило только высунуть нос из маслянистого домашнего тепла за границу широкого подоконника, и можно было досыта надыхаться морозной свежестью. Было приятно дышать и довольно разглядывать ровно присыпанные мелким снегом коробки соседних особняков, соскальзывая взглядом на жестяные коробочки для сыпучих продуктов по эту сторону стекла, так же ровно присыпанные мелким инеем, и на старую хлебницу, которая хлеб уже много лет не хранила. Днями этакого удовольствия ощутить не получалось, лишь ранним вечером и ранним

утром. Прелесть какая, тебе тепло, но дышишь ты морозом!

- Ой, какой снежочек! - напевно вымолвила Шура, отдышавшись от кухонных запахов. Еще раз по-хозяйски осмотрела подоконник, и фальшивенько спела, - Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятю... А снег идет, а снег идет... Расскажи Снегурочка, где была...

Тетьшура вышла в центр кухни, осмотрелась, потянулась, прикоснувшись пальцем к голой лампочке, с хрустом покрутила рыжей головой по сторонам и прокричала:

- Евгения Петровна!

- Да, Шурочка, - тихо отозвалась бабушка, заходя в кухню. На ней было новое, идеально отутюженное, явно праздничное платье, и теплая вязаная кофта с брошью.

- Вы вот какую песенку к Новому году в детстве разучивали?

- «В лесу родилась елочка», конечно же...

- Я так и думала. А вот мне она в детстве совсем не нравилась. Обидно как-то. Зайцы веселые под елкой скакали, метель ей песенки пела, мороз снежком укутывал. Приехал мужичок с топором, заметьте, даже не мужик, а мужичок плюгавенький, и срубил нашу елочку под самый корешок. Где же теперь зайкам сереньким скакать?

В ответ ее словам из своей комнаты выбежал Саня в широких, прямо парашютных трусах, сразу уронил один из манекенов, нервно махнул на него рукой и юркнул в туалет. Евгения Петровна подошла к поверженному манекену, присела и взялась прилаживать тому отвалившуюся руку.

- Ничего у меня не получается. Упрямые у нас манекены, падают и падают. Каким же образом это теперь закрепить?

- Да бросьте вы. Сейчас эта бестолочь описается, мозги у него заработают и всё починит. Надо будет хоть какой-нибудь завтрак в него запихнуть. Санька! Санюнька!

- С добрым утром, простите пожалуйста, - чирикнул Саня, выходя из туалета.

- С добрым днем! А день, между прочим, чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный? Все уже давно позавтракали, а ты всё еще четвертый сон досматриваешь. Сейчас Парамошка придет, и мы уже на горку одеваться будем. С нами даже Евгения Петровна пойдет, я ее опять уговорила. Но если не покушаешь, мы тебя с собой гулять не возьмем, можешь не надеяться. Я вон тебе на кухне положила, иди-ка, лопай, худая жизнь.

- Спасибо. Но только я немножечко...

- Конечно немножечко, ты ведь много не умеешь. Так ты что, уже есть пошел?

- Да.

- Балда. Слушай, ты, в трусишках зайка серенький, сначала в штаны нарядись, потом манекен собери, потом зубы почисти, умойся, а потом уже завтракай.

- Ой, простите, - кукарекнул Саня, убегая в комнату.

- Не проснулся, наш ребеночек, еще. Вы, Евгения Петровна, не волнуйтесь, он сейчас соберет. Где же у нас Парамоша ходит? Вроде бы время.

26

Из комнаты выпорхнули нарядно одетые Сашки.

Приземлились у разобранного манекена, перепихиваясь и дурачась, попрыгали вокруг него, как воробьи вокруг батона хлеба, привинчивая руки-ноги к туловищу. Потом, хихикая и перешептываясь, приподняли, поставили на место.

- Какие же они у нас всё-таки ладненькие, аккуратненькие, Евгения Петровна. Золотая молодежь. И кому ж такая красота достанется? - умилилась Шура, присев к столу.

- Как правило, эта красота достается афишам, - ответила Евгения Петровна.

- Слушайте вы, артистические рожи, вы, блин, когда уже девок себе заведете? Сколько можно тете Шуре нервы трепать? Вас вот когда спрашивают, женаты вы или нет, вы чего отвечаете?

- Отвечаем, что женаты время от времени, - лукаво усмехнулся Александр.

- Как это так?

- Дело в том, Тетьшура, что понятие «женидьба» весьма многозначно. У нас с женидьбами всё в порядке. Женимся мы часто и успешно.

- У нас невест много, - поддакнул Саня.

- Ой, ой, ой, и сопливые туда же. Охламоны вы, а не женихи. Невеста должна быть одна и на всю жизнь. В смысле одна жена на всю жизнь. Это вас Парамошка такому паскудству обучил, точно. Вот припрется, я ему задам!

- Здрасьте, - улыбнулся соседям Антон, входя в гостиную из комнаты.

Дизайнер моды, упакованный в ультрамодный спортивный комбинезон, нес в руках белоснежную куртку с большим кашпоном, отороченным зеленым мехом, пушистую белую шапку и ярко-оранжевые зимние ботинки. Разместив свои вещи у выхода из квартиры, он уселся к столу.

- Выходим в открытый космос! Молодец ты всё-таки, Антоша. Только рановато нарядился, Парамошки-то еще нет, - высказалась Шура.

- Да это я так, примерил только.

- Вот, обалдуи, поглядите. Парень, так парень. И жена у него красавица, и ребеночек миленький, и вон какую красоту себе шьет.

- Вообще-то это не мой костюм, - возразил модельер.

- Взял поносить?

- Да нет. Костюм мой, но шил его не я.

Как и всегда, едва возникший диалог перебила невовремя раскрывшаяся дверь. В гостиную ввалился Парамошка с черным мусорным пакетом в руках. Заснеженный и раскрасневшийся гигант и так-то смахивал на Деда Мороза, а тут еще этот мешок.

- Вот тебе, Шурочка, русские народные валенки. Примеряй! Вот тебе, Шурочка, термос китайский с цветочками красивенькими. Наполняй! - басил исполин, одновременно раздеваясь и вынимая из мешка подарки.

- Ой, какая прелесть, - тут же примерила долгожданные валенки Шура, - как у Христа за пазухой! Мы с веселой песенкой о лете, самой лучшей песенкой на свете, ля-ляляля-ляля-ляля, лето это хорошо! - спела она и продолжила: - Хотела было тебя отругать за пацанов, но сейчас не стану. Спасибо, Парамошечка!

- А чего они опять натворили?

- Да жениться не хотят...

- Жениться, парни, надо! Хотя бы один раз в неделю! - погрозил пальцем Парамонов в сторону довольно гогочущих Сашек.

- Вот. Что и требовалось доказать. Этот всякие глупости собирает, а эти повторяют за ним, как обезьяны.

- Шура, родная, повторяют обычно попугаи.

- Да хоть крокодилы. Что ты мальчишкам голову морочишь? Сам вон болтаешься один-одинешенек. Хочешь, чтоб и они на своем творчестве поженились?

- Не самый плохой вариант развития событий.

- Ой, да ладно, бесполезно с тобой разговаривать, забарахлил себе мозг и радуешься. Беспутник ты, Парамоша.

- Шура, родная, лучше говорить: беспутный или распутник.

- Да ну тебя. Я вот своим детям не буду разрешать писателями или артистами делаться. Ни одного счастливого человека среди вас нет.

- Зато человечество счастливо. Мы затем и придуманы, чтоб иногда рассказывать людям о людях. Жена в этом деле помогает далеко не всегда, а вот мешает делу постоянно. Хотя случаются исключения.

- Мне вот, например, ничего про меня рассказывать не надо. Я все про себя знаю.

- Не скажи, Шуручка, не скажи...

- А мне, Шура, кажется, что ничего вы не сумеете своим детям запретить, - вздохнула Евгения Петровна, - и если уж выберут они творчество или, может быть, науку, то во всех их начинаниях помогать будете.

- Не буду.

- Будешь, будешь. Ты же добрая, - приобнял ее Парамошка.

- А ты чего тут сидишь, уши греешь? - обратилась Шура к Сане, - Марш на кухню завтракать! Там уж остыло всё. Термос захвати, и Александра тоже с собой возьми, чтобы тоже перекусил, он ведь утром тоже не поел толком.

Саня с Александром покорно отправились на кухню, ну а потеющий Антон, поняв, что до момента выхода компании на прогулку еще далеко, вернулся в свою комнату.

- Сашок-то твой придет сегодня? - спросил Парамонов.

- Не может он, работы много.

- Какая работа? Рождество!

- Такая вот работа. Он же менеджер. До вечера в офисе будет дежурить, факсы там отправлять, принтеры. Не всем же, как тебе, всю неделю по ресторанам таскаться...

- Ох ты, я ведь забыл совсем, - оживился Парамошка, - такую картинку сегодня в одном из ресторанов пронаблюдал, просто Брейгель, честное слово! Обязательно напишу, обязательно! Уважаемые соседи! Минуточку внимания! А вот кому тут свежая рассказка?

На его крик из кухни выглянули жующие Саня с Александр, а из модельерской комнаты Нина и Антон, тоже что-то доедающие. Парамошка вышел в центр площади, подбоченился, и, помогая себе широким жестом, начал выступление:

- В общем, так. Слушайте. Разыскать в сегодняшней Москве классические валенки - дело утомительное и хлопотное. А я, как существо творческое (стало быть, безответственное) вам их две пары пообещал. Но я ведь еще существо деятельное и настырное. Поиски второй пары валенок привели меня в Домжур... Хотя нет, подождите. Сначала вот о чем. Давайте не пойдем сегодня в парк...

- Как это не пойдем? Ты чего это начинаешь? Все уж собрались. Я даже опять Евгению Петровну с нами уговорила, - обиженно выкрикнула Тетьшура.

- Шура, родная, не в смысле вообще не пойдем, а в смысле в парк не пойдем. Поехали в Сокольники!

- Сокольники - тоже парк.

- Но только более спокойный и уютный. Знала бы ты, что на улицах творится. Понаставили сцен, всё движение перекрыли. Вальпургиева ночь средь бела дня! На каждом углу, как у Катаева, порнографическими голосами орут граммофоны. Толпы соотечественников с пивом и детьми валандаются везде. Ни пройти, ни проехать. Как будто бы не Рождество, а свадьба деревенская, в самом плохом смысле этого слова. Угар какой-то. Ну, так вот. Прихожу в Домжур, а у нас там, ежели кто знает, на первом этаже ресторанчик располагается. В общем, и не ресторанчик, а так, полурюмочная, полутрактир.

- Ты, конечно же, мимо не прошел, - утвердительно хмыкнула Шура, придвинув стул поближе к выступающему.

- Не прошел. И очень рад этому обстоятельству. Там-то я эту живописнейшую сцену и лицезрел. Еще одну пьесу придется писать. Утром там цыганский ансамбль завтракал, из тех, которые каждый праздник по разным площадкам целый день шарашатся. Ну, артисты, как бы. Ансамбль-то давно уехал, а две красавицы в концертных костюмах и гриме подзадержались. Вы бы только видели, какая у них на лицах хохлома расцвела после третьей бутылочки! Ресницы длиннющие к бровям прилипли, помада и тени поразмазались, парики набекрень съехали. Картина с маслом! Ну, просто прима-

балерины вокально-хореографические из музыкально-драматического муниципального театра мимики и жеста! Специально задержался, чтоб посмотреть, как они выходить будут. Одно-то еще на ногах стояла, а вторая уже никак. Ну, так вот. Более выносливая подруга взваливает напарницу себе на плечо и выносит ее в самом прямом смысле этого слова. И тут видит, что у бармена на стойке телефон стоит. Прется к стойке. Кладет подругу прямо на стойку. Берет трубку и, не набирая никакого номера, начинает орать на весь кабак: Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела! Тут же успокаивается. Дело-то уже сделано, первая помощь оказана, доктора, типа, сейчас приедут и подругу полечат. Ха-ха! Как они ловили машину, рассказывать не буду, это отдельная песня, а вернее будет сказать, пластический этюд. Самое интересное, что я ведь не удивлюсь, если эти куклы приедут на концерт и пойдут на сцену. А? Каково? Нора заболела!

Благодарная публика смеялась слаженно и дружно, кое-кто даже аплодировал. Парамошка с удовольствием кланялся направо и налево.

- Давайте действительно поедем в Сокольники, - улыбнулась бабушка.

- Евгения Петровна, мое почтение, - вновь поклонился Парамонов, приложив руку к груди, - именно это я и предлагаю. Там-то уж наверняка спокойнее.

Маленький артистический успех откровенно нравился этому большому человеку, хотелось продолжения. Он игриво осмотрел соседей и громогласно заявил:

- А пьесу думаю назвать «Нора».

- Есть уже «Нора», у Ибсена, - сообщил Александр.

- Да? Ну, тогда пусть будет «Нора заболела», все подумают, что продолжение.

- А я бы не пошла в театр на пьяных цыганок смотреть, - скривилась Шура.

- Вот и напрасно. Только представь, какая у них биография. Особенно у Норы.

- Обыкновенная биография. Что день - то пир, что утро - то похмелье. Я хоть и выпиваю сама, а пьяниц не люблю.

- Золотые слова. Давай я о тебе пьесу напишу. И назову ее «Шура»!

- Спасибо, что хоть не «Шура заболела»! Нет, нет, нет. Лучше про цыганок своих пиши или про соплю.

- Скептически вы, Шура, относитесь к литературно-художественному творчеству вообще, и к его ярким представителям в частности.

- А вы, Парамоша, заболтали нас совсем своими бестолковыми рассказами. Сколько можно уже собираться, все ведь уже готовы.

Одеваетесь, давайте! Я вот шиповника в термос налью, и поехали.

- Поехали!

27

Сборы у них вышли шумными и динамичными.

Действительно, все уже давным-давно были готовы к выходу, всем не терпелось уже выйти и пойти-поехать хоть куда-нибудь, в конце концов. Замешкалась только Евгения Петровна, надевая короткие ботинки, серую шаль и старое демисезонное пальто.

- Евгения Петровна, так вы так пойдете? - удивилась Тетьшура.

- Мы ведь ненадолго, - оправдывалась бабушка.

- Это никуда не годится, еще не хватало нам вас заморозить.

- Что будем делать, кутюрье? - спросил Парамошка.

- Одевать! - сказал, будто scomандовал, Антон, быстро уходя с Ниной в свою комнату.

Через минуту модельер явился с новеньким, конечно же, очень модным пуховиком, а Нина принесла белоснежные зимние сапожки, разумеется, изумительной красоты. Не

слушая робких отказов Евгении Петровны, вся компания оживленно помогала ей переодеться, не замечая поначалу ее слез.

- Простите меня, ребятки, - смущенно извинялась бабушка, - я так отвыкла от простого внимания к своей персоне, что элементарно расчувствовалась. Вы хорошие! Знайте об этом. Но эти прекрасные вещи я брать не стану. Разве что сапожки...

Саня тоже был уже готов расплакаться и даже зарыдать от внезапно разволновавшей душу тревоги и безвольной обиды на всё на свете, но вместо этого вдруг сорвался с места и, запинаясь о манекены, понесся в комнату.

- Евгения Петровна, что же вы плачете? Все же хорошо, - нарушила долгую паузу Шура.

- Хорошо.

- Мы же вас просто любим. Вы же хорошая...

- Хорошая.

- И мы все хорошие...

- Хорошие.

К ним подскочил вернувшийся Саня, широко размахивая снежно-белым плотным свитером, от самой двери убежденно и пискляво тараторя:

- Вот. Мне его мама вязала. Вот же! Вот! Его же можно под пальто!

- Спасибо, Сашенька, - шепотом ответила старуха, строго вздохнула, и переоделась.

Вслед за этим легче задышали, бегло перекинулись улыбками окружающие, предвидя возвращение своих недавних настроений беззаботного веселья. Их снова единила инфантильная дурашливость, ясная радость, простое удовольствие детсадовцев, идущих на прогулку. Откровеннее всех ликовал Санюнька - не мог пацан спокойно устоять на месте, вертлявой трясогузкой прыгал у раскрытой двери, не шибко эффективно помогая Парамошке повернуть опять застрявший ключ, метался в сторону Тетьшуры, пробуя заполучить хотя бы одну из сумок с беляшами, расстегаями и чаем, ронял и ставил манекены, пока его всем коллективом, с шутками и прибаутками, не выставили из квартиры.

Резко щелкнул дверной замок, и на жилплощадь резво выползла тишина.

Славомир Борисович открыл дверь, прислушался, прошел по коридору, заложив руки за спину. Ритмичным хрустом из угла о себе напоминали часы. Не тикали они - хрустели, будто кто-то внутри них неспешно топал по морозному снегу. У зеркала Славомир остановился, оглядел себя, прислушался к себе.

- Не надо было есть копченый окорок без чая. Но к этим выходить тоже не надо было.

Теперь кишки ворочаются и бурлят, – полусказал, полуподумал он, и громко пукнул.

В нем булькали кишки, сифонил пищевод, и закипал давнишний гнев. Как и всегда, его подташнивало, слегка мутило от пребывания в этой квартире. Ему тут неизменно было плохо, гадко, тошнотворно, но приходилось приходиться. А потому, что, честно говоря, другого дома-то у этого внушительного дядьки, в сущности, и не было. Все остальные его комнаты-квартиры превратились либо в доходное жильё, с не менее тошнотворными квартирантами, либо в жильё семьи, под юрисдикцией не менее противных детишек, женушки и тещи. Ну, обеспечил всех своих. А сам?

А самому неистово хотелось дома, простого дома для себя, для одного. Что, неужели даже этого не заработал? Пускай пока тут поживет мерзкий коммунальный дурдом, но его же скоро можно будет вычистить и вымыть!

Несколько раз ударив по входной двери кулаком, Славомир Борисович возвратился в свою комнату, принес оберточную бумагу и скотч, отодвинул от стены часы и аккуратно их упаковал. Циферблат был истертым в ноль, ни цифры не увидеть, а стрелки двигались отменно, столетний механизм вполне себе работал. Стекла на дверце не было в помине, а хорошо

сохранившиеся дерево и даже лак под пыльным слоем сушили массу антикварных удовольствий.

Вытаскивая за порог тяжелые шкафоподобные часы, он безмятежно улыбался, ему стало легче.

Вслед за исчезновением часов из моей приснопамятной коммуналки навсегда ушел не только уют, но и цвет. Ее пространство как-то стремительно выцвело. Буквально на глазах пропали краски, растворившись в туманной взвеси из кухонной дымки и пыли. Сколько бы потом ни старался заглянуть опять в опрятную зелено-белую гостиную, ничегошеньки не выходило. Проснулся окончательно.

Тривиальная драма, как и положено, завершилась сумрачно, уныло, монохромно, без фантазмагорий, без галлюцинаций, в очень графичном коммунальном коридоре, банальном и типично черно-белом. Она окончилась в пространстве мрачном, тусклом.

28

Тетьшура погасила свет на кухне, распахнула форточку.

Там, на фоне черного неба, мелко сыпалась крупа сухого серого снега. На улице ворочалась

зимняя ночь. Там не было ни ветерка, там было так же, как и здесь, уныло, тихо, душно.

- Зачем туда ходить, когда душа там не на месте будет? А здесь она на месте что ли? - неизвестно у кого спросила Шура, возвратившись в коридор.

Понурая коммунальная домохозяйка встала у зеркала, внимательно оглядывая отражение со всех сторон. Она себя не узнавала. Черные джинсы, широкий ремень, кожаная «косуха», высокие кроссовки и навороченная бейсболка с черными стразами. Круто! А еще темные брови, ресницы и тени на веках. Сплошная круть и чернуха. Что-то жесткое, паучье было в ее облике. Она себе совсем не нравилась.

- Мы Снегурочку найдем в царстве тридесятюм, - саркастично огрызнулась Шура зеркалу.

- Ну что? - выглянул из комнаты Парамошка.

- Ой, какой снежочек... - напевно выговорила Тетьшура, прохаживаясь по коридору.

- Где?

- В окне, на улице. А снег идет, а снег идет... Снег...

- Так что там?

- Снег.

Парамонов осторожно вышел, запер дверь, уселся на сундук, спросил:

- Чего ты такая квёлая?

- Парамоша, слушай, а у тебя вот бывает так, что как будто всё это уже с тобою было? Прямо вот всё, всё, всё. Только как-то по-другому.

- Дежавю, что ли?

- Чо?

- Дежавю.

- Что это за слово такое? Дежавю. Расскажи...

- Дежавю, Шур, это ощущение такое, будто ты уже когда-то была в какой-то ситуации. То есть, что-то уже делала, или что-то уже видела. Статистика говорит нам с тобою о том, что девяносто процентов людей время от времени испытывают это ощущение. Оно обычно сопровождается чувством странности и нереальности. Я тоже иногда его испытываю. С французского это слово переводится, как «уже видел».

- Понятненько. Когда же мы уже кутюрё наше увидим? - глухо спросила Шура, присев рядом.

- Да скоро уже. Полчасика максимум. Хочешь, я тебе рассказку веселую расскажу, пока сидим? Сегодня днем в ресторанчике пронаблюдал. Просто Брейгель, честное слово! Еще одну пьесу мне придется писать. Утром там

цыганский ансамбль завтракал, из тех, которые каждый праздник по разным концертам целый день шарашатся. Ну, артисты, как бы. Ансамбль-то давно уехал, а две красавицы в костюмах и гриме подзадержались. Ты бы только видела, какая у них на лицах хохлома расцвела после третьей бутылочки! Ресницы длиннющие к бровям прилипли, помада и тени поразмазались, парики набекрень съехали. Картина с маслом! Специально задержался, чтоб посмотреть, как они выходить будут. Одна-то еще на ногах стояла, а вторая уже никак. Ну, так вот. Более выносливая подруга взваливает напарницу себе на плечо и выносит ее в самом прямом смысле этого слова. И тут видит, что у бармена на стойке телефон стоит. Прётся она к стойке, кладет подругу прямо на стойку, берет трубку и, не набирая никакого номера, начинает орать на весь кабак: Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела! - натужно смеялся рассказчик, прекрасно понимая, что сегодня отклика его словам не будет.

Неуютная пауза продолжалась недолго. Повествователь все-таки решил закончить:

- Тут же эта кукла успокаивается. Дело-то уже сделано, первая помощь, типа, оказана, доктора сейчас приедут, и подругу полечат. Как они ловили машину, рассказывать не буду, это отдельная песня, а вернее будет сказать:

пластический этюд. Самое интересное, что я ведь не удивлюсь, если эти красотки приедут на концерт опять, и опять пойдут на сцену. А? Каково? Нора заболела!

- Так ее вылечили?

- Нору?

- Нору.

- А шут ее знает. Этого я уже не наблюдал.

- Жалко ее.

- Что-то ты совсем у меня расклеилась.

Давай, собирайся.

- Что же мы делаем-то? – вдруг взвыла

Шура. – Господи прости! Жалко же ее!

- Шура, перестань! Ведь договорились не говорить.

- Ладно. Зря мы с тобой в этот клубешник намылились. Что мы там будем делать?

- Пить, плясать, программу смотреть. Когда ты еще наших Сашек на сцене увидишь? Да и в ночниках ты никогда не бывала. А на это стоит посмотреть. Хотя бы затем, чтоб не любить. Вот скажи мне, пожалуйста, когда у тебя еще случится повод коктейлей экзотических попробовать?

- Не, не, не. Я буду чистенькую.

- Чистенькую так чистенькую. Она и дешевле гораздо. Будем считать, что едем с тобой на экскурсию, затем, чтоб подтвердить или

опровергнуть стойкое чувство нелюбви к ночным клубам.

- Я их уже сразу не люблю. Лучше попеть, да попить на кухне. А ведь на кухне можно еще и поесть! Расстегайчика тебе дать?

- Лучше уж рюмку дай.

- И то верно. Перепугали вы меня вусмерть с этими клубными ценами. Никогда бы не подумала, что можно рюмочку продавать по цене бутылочки. Я такую ценовую политику только на вокзале понимаю, когда пирожок в десять раз дороже покупаю. Но я этим воровкам всё, что о них думаю, тут же и рассказываю.

- Ни в коем случае не вздумай там барменам об этом рассказывать. Это тебе не вокзал, вышибут из заведения в три секунды. Фейсконтроль. Думаешь, зачем мы тебя так приодели, для красоты что ли? Там на входе контроль жесткий, просто так не протиснешься. И внутри за посетителями смотрят постоянно. Чуть что - пошел вон. А деньги мои мы все в баре оставим. Как домой добираться будем? Антошка нас обещал только под утро вывезти.

- Ой, какая-то подводная лодка получается. Ни поорать, ни уехать.

- Так ты рюмку принесешь?

- Я бутылку принесу. Давай налопаемся на берегу, покамест время есть.

Пока Тетьшура с воодушевленным облегчением сервировала широченную поверхность сундука, к импровизированному застолью присела Нина. Струящиеся пряди ее залаченных волос плавно стекали в линии лаковых складок темного коктейльного платья с глубоким декольте и откровенным вырезом на спине. По волосам, плечам, рукам, груди морозным инеем тускло мерцали блески. Блистательный эффект звездного образа в подобном освещении смотрелся бледно. Худая длинноногая мадам на шпильках, обернутая во французскую портьеру, рассеянно курила тоненькие сигареты, перечитывая эсэмэски в телефоне.

- Ну что? - осведомился Парамошка.

- Из клуба уже выехал, скоро поедет, - тихо ответила звезда.

- Нинуш, ты с нами тянешь? - улыбнулась Тетьшура, наполняя рюмки.

- Вообще-то я пью только красное вино.

- А у меня его нет.

- Но работы сегодня много, поэтому сегодня тяну, Шура. Только Антоше не говорите.

- Молодцы! Давайте-ка сначала вы с Парамошкой, а потом сразу я. Чистых рюмок, простите-извините, больше нет. Дай бог, чтобы программа у вас там хорошая получилась, чтоб денег побольше дали, да и за парней наших, чтоб

уж два раза не вставать! Как это называется, дебют у них сегодня? Вот за него давайте и хлопнем!

- Хорошую мы тебе куртку подобрали, правда? - спросила Нина.

- Очень. Только мне как-то неловко в ней. Не в смысле неудобно, а просто не привыкла я к ней.

- А тебе идет, - оценивающе окинул ее взглядом Пармонов.

- Сама вижу, что идет.

Мимо сундука проплелась Хася, бубня себе под нос:

- Люди...

- Нинуш, а вы куда детеныша дели? - спросила Шура, сосредоточенно разглядывая дно рюмки.

- Ян пока живет у тетки антошиной, и Аня тоже.

- Аня - это кто?

- Это наша собака, левретка.

- Ваша собака чего?

- Порода такая, левретка называется, - пробасил Пармошка, обрадовавшись новой теме разговора, - удивительная история у этой породы. Представляешь, этим собачкам гулять на улице противопоказано. Вывели их специально для того, чтоб они всю жизнь по диванам, подушкам и перинам прыгали, услаждая взоры

царственных особ. Так называемая будуарная собака. А в основе породы – борзые. Красивые, блин.

– А куда ж они «это дело делают»? А, Нин?

– В специальные кюветы со специальным наполнителем. Как кошки.

– Чудеса чудесатые, собаки как кошки!

– Люди, – взвыла на кухне Хася.

– Ты бы, Нин, ее хоть показала бы мне как-нибудь. А я все думаю, лает, лает, а гулять не ходит. Мне даже казалось, что вы этот лай на магнитофоне заводите, – хмыкнула Шура.

– Покажу обязательно, но только после праздников. Мы Анечку и Яна специально к тетке отправили, сезон же идет, заработать надо.

– А у меня всегда сезон идет. Хоть лето, хоть зима. Только я не зарабатываю.

Ничего на это не ответив, Нина достала мобильный телефон в желтом металлическом корпусе, набрала номер.

– Ух ты! Это что?

– Мобильник.

– Золотой?

– Да нет, это платиновое покрытие.

– И, насколько я понимаю, стразы на него насыпаны, – присоединился к изучению диковинного гаджета Парамошка.

– Это не стразы, это фианитики, – гордо сообщила Нина.

- Круто! - восхитилась Шура.

- Ты где? - спросила Нина у телефона. - Хорошо. Где, где?

- Вот это телефон! Вот это да! - продолжала восторгаться Тетьшура.

- Ну всё, машина уже внизу. Я сейчас, - томно изрекла звезда, уходя в комнату.

- Будуарная борзая сука, - кисло усмехнулся Парамонов, наливая водку.

- Ты чего это заругался?

- Это я не ругаюсь, это я просто фразу хорошую придумал.

- Потрясный телефон.

- Тогда на, получи еще одну хорошую фразу. От платиновых телефонов с фианитами крепко пахнет бриллиантовыми унитазами. Как? Хорошо?

- Хорошо. Ты эти фразы в пьесуставишь?

- Нет, Шурочка, пьес писать я не буду. Это же я дурачусь только, вас развлекаю. А вот в рассказы вставлю обязательно. Из каждой такой фразы можно целый рассказ вырастить.

- Пиши, Парамощечка, пиши. Хорошо у тебя получается.

- Буду писать, буду. Ленишься и сильно пьянствовать не буду, а писать буду. Не грусти, пожалуйста. Я тебе свою первую книжку с автографом подарю. И рассказ под названием «Шура» напишу обязательно!

- Спасибо тебе, Саша. Ты хороший...

Что-то еще она собиралась сказать, но смутилась появлением звезды, передумала.

- Можно спускаться. Поехали? - спросила Нина уже от порога.

- Добро пожаловать, Шурочка, в гламурную жизнь! - от внезапного смущения по своему обыкновению громко гаркнул Парамонов, опрокидывая рюмку.

- Поехали, - настойчиво потребовала звезда.

- Поехали! - в унисон проорали Тетьшура и Парамошка.

- Люди, - отозвалась Хася с кухни.

- Ой, ой, ой, - растерялась Тетьшура, - забыла совсем. Воду же на кухне не закрыли! Закрыть, Парамоша?

- Возвращаться не повезет...

- А я поплюю через левое плечо...

- Давайте уже скорей, - торопила Нина, - Антон долго ждет.

- Так закрывать? - спросила Шура у нее.

- Как хочешь, - буркнула Нина, спускаясь по лестнице.

- Закрывай, - так же скомканно проговорил Парамошка и двинулся следом.

Тетьшура помчалась на кухню, отнесла посуду и бутылку, крепко затянула краны, понеслась было к выходу, но притормозила.

Остановившись у двери, оглянулась. Пора было бежать вдогонку за соседями, а она стояла и стояла, озираясь, отчаянно выискивая для себя подсказку в окружающих предметах, судорожно пытаясь вспомнить о том, что же еще необходимо сделать. Что-то ее не отпускало. Что? Она посмотрелась в карманное зеркальце, размашисто перекрестилась, плюнула через плечо и, так и не найдя ответа, вышла.

29

Славомир стоял, прилипнув ухом к двери комнаты, стоял уже не первый час.

В его затекших ногах колотились тромбозные жилки, сладкой болью ныли мышцы, он чувствовал, как загустевает и застаивается венозная кровь, как немеют руки, как холодеет верхнешейный отдел позвоночника, как побаливает желудок, как ломит затылок. Говоря откровенно, надо было бы и в туалет уже давным-давно сходить, но организм уже привык, смирился. Только правое ухо, от долгого подслушивания, горело и пульсировало.

«Натер ушную раковину о шершавую дверь – так и запишет отоларинголог мне в историю болезни», – подумал он, и хохотнул.

На самом деле сегодня Славомир Борисович праздновал. Он хоть немного и недомогал, но был совершенно счастлив.

Крупный человек с утра занимался ничтожной ерундой, той самой, о которой давно грезил. Весь день ходил по комнате в трусах! Ел вяленую рыбу и пил пиво в неограниченных количествах! Комнатный холодильник был обильно нафарширован запретными продуктами. Одного пива там было затарено десятка два сортов. Ох, уж это пиво. Пришлось до туалета бегать часто, выслушивая паузы в передвижении жильцов.

Никто из проживающих его присутствия так и не заметил. Телятина тупая. Так и не чухнули ни разу, что рядом с ними бегают, как мальчик, солидный господин в трусах. Коммуналы хреновы. Понимали бы чего в идеях коммуны. Обычный скот и быдло, просто глупые животные. Зачем они? И нечего им делать в доме! Ради чего они тут, в этом месте? Да незачем им быть вообще!

«Скоро почистим дом, скотинку в хлев загоним, и будем жить, как полагается», – мысленно улыбнулся Славомир.

Поминутно пукая и зычно отрывая, он с удовольствием посетил оба туалета. Болячка в желудке притихла. Неспешно оделся в костюм, и с какой-то ритуальной торжественностью вынес из комнаты полиэтиленовый пакет с новенькими

инструментами. Разгладил смятые чеки, прибрал их в специальный кармашек барсетки рядом с калькулятором, ровным рядком разложил молоток, стамеску, шурупы и отвертки на сундуке. Не обращая никакого внимания на Хасю, трущуюся возле манекенов, легко и радостно прикрутил к туалетным дверям большие щеколды. Дверное дерево оказалось мягким, податливым. Запоры встали просто идеально, будто здесь и были всю дорогу.

- Вот так! - улыбнулся Славомир зеркалу, укладывая инструменты в пакет.

Потом быстро собрался, хлебнул пивка, запер свою дверь и вышел из квартиры.

Тут же с пространством жилплощади случилась последняя, до этого мне неизвестная, метаморфоза. Буквально на глазах исчезли стены, почти все дверные проемы, перегородки, большая часть мебели. Вопреки физическим законам, они бесследно растворились в воздухе, а на своих местах остались только манекены и сундук. Парадный зал особняка вернулся к своему «докоммунальному» облику столетней давности. В нем моментально материализовалась разобранная и приготовленная к переезду мебель, строительный мусор, тюки с вещами, перевязанные веревкой стопки книг, сумки, коробки. Ряд стройных полукруглых окон, выходящих на Арбат, подсве-

чивали эти горы скорба в центре зала тусклым сиянием едва рождающегося рассвета.

30

Парамонов второй час слонялся по сумеречному, абсолютно пустому Арбату.

Плавно ходил туда-сюда в рассветном тумане по улице, как теплоход по узкому каналу, иногда останавливаясь покурить. Концентрация табака в его организме давно уже превысила все мыслимые нормы. Подпирая могучей спиной Стену мира, великий литератор разглядывал свой бывший дом и опять не решался в него войти. С прошлого Рождества он тут и не бывал ни разу. Ровно год, получается.

- А Шурка-то жива ли? Там ли она? - неожиданно спросил он сам у себя.

Фасад закрывали строительные леса, обтянутые гигантским рекламным плакатом с изображением лица отвратительно счастливой заграничной певицы. Под ее подбородком, аккуратно на месте горла, красовалась распахнутая фанерная дверь, и немного виднелись двери подъезда, тоже раскрытые.

Пора было войти, раз уж пришел. Тем более, что время начинало поджимать (не опоздать бы), и рассвело уже совсем, а в пере-

улках гулко застучали скребками невидимые дворники. Проснулось утро. Туман стремительно рассеивался, улица почти очнулась, по ней то тут, то там пошли одинокие прохожие.

На лестничной площадке он остановился. Дверной звонок торчал на своем месте, однако же, в нем не было необходимости. И эта дверь была открыта.

Войдя, Парамошка оторопело оглядел просторное пространство, одновременно и знакомое, и совсем неведомое. Прошелся по скрипящему паркету, перешагивая следы снесенных перегородок. Получилось, что за несколько минут он посетил все комнаты.

«Прощальный круг почета», – думал сочинитель, почесывая пятерней затылок.

На пороге оглянулся, и вдруг запнулся глазом о стопку своих книг, сгреб их в охапку, чуть не бегом вынес из квартиры, разложил на подоконнике за лифтом. Стоял, смотрел на них, и ни о чем не думал. Не радовался, не грустил. В нем разрасталось необычное чувство, доселе неизвестное.

Он как бы сразу был везде, он был и здесь, и там. Он пребывал в далеком прошлом и в туманном будущем, в советской коммуналке и в купеческом особняке. Он находился в неизведанном вчера, и в непонятном завтра. Как всё же тяжело почувствовать все чувства разом –

скорбь и ликование, дурашливость и мудрость, наполненность и пустоту. Тем временем в глубоких недрах разрушенной коммуналки открылась одна из немногих уцелевших дверей – скорей всего, это была дверь кладовой. Оттуда показалась вполне живая и здоровая Тетьшура.

– Я вот похожу тебе сейчас! Я вот тебе похожу! Пошел вон отсюда! – крикнула она грозно. Многократное эхо разнесло этот крик по всему подъезду, вернув Парамошку, совершенно ошалевшего от новых впечатлений, в простую действительность.

Тетьшура направилась в свою комнату, вернее, в то место, где раньше была ее комната. Долго копаясь в коробках, нашла там ведро и тряпку. Потом пошла в то место, где располагалась кухня, наполнила ведро водой, и взялась усердно мыть полы, не замечая наблюдающего за ней Парамонова.

– Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, всем нужны друзья. Чирик-чик-чик, чирик-чик-чик, даже воробьям, – спела Шура.

– Чирик-чик-чик! – подпел Парамошка.

– Ой! Парамошечка! Пришел, слава богу! А я вот полики тру.

– Шура, родная, – сказал он, обнимая ее за плечи и усаживая на сундук, – брось ты этот мартышкин труд. Никому теперь в этом доме

чистые полы не нужны. Давай-ка лучше коньячку выпьем. Повод есть презируднейший!

- Статью сдал?

- Нет, Шурочка. Статейки я больше сдавать не буду. Мало того, я ведь их и писать больше не стану. Хватит с меня этой заказной мерзости. Уволился я из редакции и теперь абсолютно свободный художник!

- А что писать будешь? Пьесы?

- Нет. Рассказы, повести, романы... книжки хорошие...

- Хорошо. Молодец. Давай я полики домою? Быстро-быстро. Я ведь всё-таки живу здесь. А потом расстегайчиков с тобой поедим свеженьких.

- Ничего не понимаю. Во-первых, как тут можно жить? Во-вторых, как тут можно еще и расстегайчики готовить?

- Я приноровилась.

- Ты что, действительно здесь живешь?

- Да. Вон там, в кладовке. Стены-то еще не все разломали, и входная дверь пока держится. Правда, не закрывается уже, замок совсем испортился. Так я ее на палку закрываю.

- Так, подожди, подожди, подожди, - недоумевал литератор, - ты постоянно здесь живешь. Так? А в магазин как ходишь, а на работу?

– Вот когда в магазин хожу, они и воруют тут. Хорошо, что книжки твои все попрятала, а то бы упёрли их совсем. Славомировых шмоток мне не жалко, а вот за ваши обидно будет. А с работы меня давно вышвырнули. Как только Хасю вынесли, так и меня уволили. Саша Гаврилыч говорит, что без прописки нельзя. Тебе сейчас книжки отдавать?

– Нет, подожди. А кто ворует?

– Да я не видела их никогда. Ходят, когда меня нет. Машину стиральную вынесли, всю посуду расколотили. Сначала думала, строители, но они ребята хорошие оказались, добрые. Молоток мне подарили.

– Чирик-чик-чик. А молоток тебе зачем?

– Страшно по ночам. Вдруг залезет какой-нибудь пакостник, так я ему молотком по башке тресну.

Тетьшура продолжила мыть пол.

– Чирик-чик-чик. Тебе же Гаврилыч что-то там обещал, общагу какую-то.

– Так он и сейчас обещает, только не вытанцовывается у него ничего. На участке иногда разрешает поработать, убирать же некому. Раньше в дворники все ради жилья шли, коммуналок же было много, было куда дворников поселить. А теперь коммуналки расселяются все, и дворников заселять некуда. Да ты за меня не волнуйся, я перекантуюсь

немножечко и к Сашку своему перееду. Мы с ним квартиру будем снимать.

- Слава богу! Хоть какой-то просвет в конце тоннеля. Я уж было, хотел тебя к себе забирать.

- К себе - это куда?

- В Вологодскую область, в город Череповец. Уезжаю я, Шура, домой. Хватит. Через три часа поезд.

- Да. Понаделали мы с вами делов, вот нас судьба и раскидывает. Раньше мне Хасю очень жалко было, а теперь нас. Парамоша, а это ведь не ты задвижки на туалетные двери приколотил?

- Какие задвижки?

- А вон, которые снаружи. Чтобы Хася наша до воды не добралась.

- Ничего я не приколачивал.

- Слава богу.

- Чирик-чик-чик! - продемонстрировал Парамонов большую бутылку коньяка, - Рюмку дашь?

- Рюмку дам, а пить не буду. Не обижайся. Я ведь с той зимы так и не пью. Запутались мы с тобой в этой жизни, Парамошечка. Такую пакость учудили. Она уже три дня мертвая лежала, а мы всё краны закрывали и еду прятали. Я ведь потом стала ей воду на окне оставлять и пирожки под стол ронять. Как будто бы случайно забыла. Надеялась, глупая, что она найдет. А она

уже мертвая лежала. С молодюсек-то какой спрос? А нам прощения не будет.

- Не будет, - хмуро согласился Парамошка, хлебнув коньяк из горлышка.

- А знаешь, что такое инглубагла? - спросила Шура, выждав паузу.

- Что?

- Подлое быдло. Это Хасечка так вот по-своему мои ругачки повторяла, выговорить же нормально не могла. Это она, получается, так ругала нас, дураков.

- Надо же. Я бы никогда не догадался.

- И я не сразу догадалась. А у тебя в Череповце дом?

- Квартирка мамина в пятиэтажке.

- А у нас с мамой в Качканаре комната была в бараке. Так она за сорок четыре года на заводе квартирку и не заработала. Барак уже снесли, а так бы я тоже поехала.

Парамонов вынул из кармана лист бумаги, отдал Шуре.

- Вот тебе адрес. Приезжай когда-нибудь.

- Приеду.

- А мне тебя как разыскивать? Дай хотя бы телефоны твоего Сашка. Так мы с ним и не познакомились...

- Нет у меня никакого Сашка, Парамоша, и не было никогда, - еле сдерживая рыдания, говорила Тетьшура, - я его специально

придумала, чтоб не болтали, мол, засиделась в старых девках...

- Лучше говорить: в старых девах.

- А ты всё такой же. Всё исправляешь меня.

- Прости.

- А чего прости? Очень хорошо. Мне нравится, - улыбнулась Шура. Она забыла о слезах, убрала ведро, принесла рюмку и тарелку с расстегаями, присела рядом на сундук, - Вот тебе рюмочка. Вот тебе расстегайки. В паровоз с собой возьми. Долго до Череповца-то ехать?

- Меньше суток.

- А я люблю в поездах ездить. Особенно ночью.

- Значит так, - поглядел на часы Парамонов, - я сейчас сгоняю на вокзал, возьму тебе билет, заскочу к мужикам за вещами, потом вприпрыжку сюда и опять на вокзал. Поедешь ко мне?

- Поеду, - удивилась она.

- Паспорт давай.

Тетьшура сбегала в кладовку, принесла паспорт.

- Как-то я просто согласилась. А я тебе не помешаю там?

- Начинается. Столько лет не мешала, а сейчас возьмешь и помешаешь. Ты мне голову не морочь, паспорт давай. У меня там кухня огромная, диванчик на ней. Квартиранты уже

съехали. Так что, Шурочка, добро пожаловать в провинциальную жизнь!

- Давай помянем ее, пока мы здесь, - предложила Шура, найдя в одной из коробок вторую рюмку, - красивая она была по молодости, я на фотках видела.

- Давай.

- Спи, Хасечка, спи...

- Да. Спи...

Когда выпили, Парамошка приобнял Тетьшуру, и они долго сидели, обнявшись, как будто им некуда было спешить.

- А ведь ее действительно Евгенией Петровной звали. И Саша Гаврилыч всё знал. Евгения Петровна Соловьева с самого рождения тут была прописана. Никакая она была не Хася. Это я, дурочка, все напутала, - шептала Тетьшура.

- Ты же ее документы нашла.

- Так это были не ее документы. Жила когда-то Хася Пинхусовна в нашей квартире, да померла уж лет двадцать назад. Дружили они с нашей, наверное. Ведь зачем-то она ее пенсионное хранила. А свои бумаги Евгения Петровна в шкатулочке берегла на фортепиано. Старинное такое фортепиано, резное, с подсвечниками. Когда Славомир с Гаврилычем его вытаскивали, сразу шкатулочку и обнаружили. Тут же на меня расблажились, что не

ту бумажку им подсунула. Всё правильно. Видела же я эту шкатулочку, но не заглянула в нее почему-то, постеснялась. Всё орала про документы и паспорт. Так она мне и принесла документы. Получается, что это я перекрестила Евгению Петровну в Хасю Пинхусовну.

- Значит, так. Часок-другой у нас есть, собирайся, давай. У тебя вещей много?

- Да какие там вещи, покрали всё.

- Очень хорошо.

- Хорошо.

- Молоток не забудь.

- Зачем?

- На память.

- Хорошо.

- Я с собой тоже только минимум везу. Давай вообще ничего не будем брать из этой жизни. Я вот даже книги не возьму!

- Какой же ты, все-таки, Парамоша, лоботряс! Я эти книжки столько месяцев прятала-хранила, думала, ты мне спасибо скажешь, а ты так вот просто «не будем брать».

- Не будем, Шура. Нечего им делать в нашем светлом будущем. Тем более что я все их давно прочитал.

- Гадина ты, Сашка! Вот ты кто! - залиvisto смеялась Шура.

- Вот и слава богу! Если мы ругаться взялись, значит, дело пошло на поправку!

- Слушай, а как же мы тут всё оставим?

- А вот так просто и оставим.

- Тут одних Славомировых вещей на два грузовика.

- Хватит ему и фортепиано. Хотел бы, уж давно бы вывез.

- А манекены Антошкины?

- А манекены Антошкины сами в ужасе разбегутся, когда сюда новые жильцы заселяться станут. Видел я один раз этот жиртрест российского бизнеса, который тут жить собирается. Морда одна килограммчиков на двести. Да и некуда Антошке манекены перевозить. Он сейчас в общежитии у наших Сашек живет.

- Почему?

- Так развелись они с Нинкой уже давным-давно. Всем нам Хаськина смерть жизни подправила. Нинка с ребенком в Питере у матери своей живет. Антон упрямо заказы ищет и мастерскую арендовать пытается. Да такую, чтобы в центре, да такую, чтобы жить в ней можно было. Только денег у него на нее нет. А Славомира, говорят, какой-то ужасный инсульт разбабахал, в параличе лежал, как овощ, год не вставал.

- А мальчишки как?

- Александр у нас юноша серьезный, учится-работает. А Саньку из института турнули,

что вполне логично. Учиться-то он не умеет. Балда. По клубам сейчас стрип работает.

- Где работает?

- В ночных клубах стриптиз танцует. Доволен до чертиков. Я, кстати говоря, их клубу уже пять статеек сбавал. Продюсер радуется, как дурак, все про PR кукарекает. И невдомек ему, неразумному, что в каждом тексте я такой мощный пистон культуре потребления вставляю. Но если уж быть до конца откровенным, никакая это не журналистика. Заказные поделки чистой воды. Идет обоз с Парнаса, везет навоз Пегаса. Песенка про меня. Но я больше не буду, обещаю.

- Талантливый ты, Сашка.

- Всё. Ты собирайся, а я побегу. Документы не забудь.

- Паспорт же у тебя.

- Ах да. Ну, всё, побежал. Я скоро.

- Беги.

Тетьшура вынесла небольшую сумку, давно уже собранную на случай неминуемого выселения, уложила в нее сверху пакет с расстегаями, молоток и коробочку с рюмками. Потом присела на сундук, прислушалась к шагам на лестнице, легко вздохнула. Вот же как быстро получилось – он еще не убежал, а она уже готова. Вот и славно! До чего же всё удачно получается!

31

Сквозь анфиладу веерных окон зал бледно освещал знакомый софит зимнего солнца.

Едва продравшее глаза, хилое, неяркое, оно с трудом просачивалось через баннерную сетку на фасадных лесах. В городе окончательно пробудился и зашумел новый день. Косые полосатые лучи огромной пятерней накрыли кучу мебели, мешков с одеждой, ящиков, коробок, манекенов, разномастных стульев, книг, другого наспех упакованного барахла. Полупрозрачные световые пальцы еще раз робко прикоснулись к останкам коммуналки, и уползли обратно на Арбат.

- Люди... Подлое быдло, - нашептывала Шура, разбирая манекены, - Всё, ребяташки, хватит, уезжаем мы отсюда. Хорош балдеть! У Сашки теперь будем дальше жить. А ты чего артачишься? Носился утром, - трусы-парусы... Так ведь и не поел... А ты? Сама разоралась и разбудила, дура... Вот они, стоят тут ладненькие, аккуратненькие... Во дураки. Чего творим? Зачем творим? Эх, парни, парни. Мирно-то нам не живется? Всё воевать хочется? А тебе никто спектакль «соплей» назвать не даст!.. Вот, обалдуи, поглядите. Парень, так парень. И жена у него красавица, и ребеночек миленький, и вон какую красоту себе шьет... Эх вы! Сели бы вместе за

стол, выпили бы чуток, поболтали бы, а то мы все как-то по отдельности видимся...

Тетьшура сосредоточенно перебрала книги, постояла у окон, вернулась к манекенам.

«Подлость наша – это же, прежде всего, низость и глупость. А мы ее даже не стесняемся. Так ведь и живем какими-то гнусными инглубаглами, не людьми. Вон чего натворили. Сами себе всё напортили. Тоже мне, люди! Полон дом святых людей. А сами потом, когда больно-то станет, будем спрашивать бога, за что же нам это? А вот за это самое, – усиленно раздумывала Шура, склонившись над высокой грудой гладких торсов, рук и ног».

32

В дверном проеме появился совершенно здоровый Славомир Борисович с небольшой стремянкой в руках. За истекший период он значительно прибавил в весе. Линию подбородка у него отделял от шеи и груди лишь галстук. Широкие щеки перестоявшим тестом выпирали из-под сорочки, касаясь лацканов пиджака и ворота пальто. Весь его вид был каким-то неприятно распухшим, лоснящимся, раздутым, дрожжевым.

– Здравствуй, Шурочка. Ты чего это здесь делаешь? – удивленно спросил он.

- О... Славомир приперся... Перся, перся, и приперся, - натужно рассмеялась Шура, - Во как! Не берут тебя инсульты, да? А я тут пожитки твои охраняю. Разворуют ведь, и даже не посморкаются.

- Спасибо, конечно, но не нужна мне эта мебель уже. Я ведь ее на дачу хотел отвезти, говоря откровенно, а дачу мы продали. Можешь себе забирать.

- Спасибо.

- Пожалуйста.

- Не за что!

- Что?

- Спасибо-пожалуйста-наздоровье, - дурачилась Шура.

- Ничего не понимаю.

- Сейчас поймешь! Здоровьице не беспокоит? Инсультник, тоже мне!

- Ага. Так, Шурка, ну-ка быстро говори, кто вам тут врет всё это про меня, и про инсульты? Гаврилыч?

- Нет.

- А кто?

- Мне Хася с неба говорит!

- Кто?

- Хася.

- Чушь какая-то. Как видишь, вот он я, живой, здоровый.

- Вот, блин, и славно! Давно тебя поджидаю.

- Зачем?

- Поговорить с тобой хочу о важном и главном. Что-то ты меня совсем позабыл, Славомирище. Разлюбил, что ли? На свиданьица ко мне не ходишь, не звонишь, не пишешь. Может быть, тебе квартира моя новая не понравилась?

- Раньше надо было про квартиру думать. Предупреждал же тебя, что опоздать можем. Вот и опоздали, говоря откровенно. Раньше надо было все сделать, а сейчас уже поздно, не будет никакой квартиры. Говоря откровенно, тебе-то квартира в Москве зачем? Ты свой паспорт открой и посмотри, что там у тебя написано. Наверняка какой-нибудь Кислодрищенск. Вот и валя в свой Кислодрищенск! Что вы все в Москву лезете? Здесь и нормальным людям тесно. А еще и вы. Ни образования, ни профессии. Москва слезам не верит! Говорил же вам, как надо было сделать.

Шура дико хохотнула, вынула из груди расчлененных манекенов пластиковую руку, швырнула ею в Славомира, и тут же схватила другую, пронзительно крикнув:

- Я тебе сейчас сделаю! Лучше поздно, чем никогда! Пытаясь ударить соседа, она метила в голову.

- Ты что, совсем обалдела, сволочь? - орал он, убегая.

- Я тебе сейчас покажу, кто здесь сволочь!

Как бы Славомир ни уворачивался, карающая длань, наконец, достигла цели.

- Да ты что, охренела что ли, паскуда? Сейчас в милицию позвоню! - стонал он, бросив стремянку и отбежав на безопасное расстояние.

- Очень хорошо! Звони! Я для милиционеров как раз все улики уже собрала. И задвижки твои, и шурупчики, и даже отверточку с отпечатками пальцев. Забыл ее в прошлый раз?

- Да успокойся ты, дура! Гаврилыч тебе уже общагу нашел. Слышишь?

Тетьшура безостановочно швырялась руками и ногами манекенов в сторону Славомира Борисовича, заходясь в остром вопле:

- А на что мне сейчас общага? Мне и в тюрьме хорошо! Особенно с тобой на пару! Звони милиционерам! Звони!

- Да успокойся ты! Не буду я никуда звонить. Хочешь, Гаврилыч тебя обратно на работу возьмет? Сейчас придет, и договоримся.

- Я с тобой один раз уже договорилась... Инглубагла...

- Что?

Шура внезапно притихла, обмякла, плюхнулась на сундук.

- Инглубагла, - выдохнула она, качаясь из стороны в сторону.

- Ты чего это?

- Ой, что-то мне, Славомир Борисович, лихо совсем. Виски стучат. Главное, что и голова-то не болит, а как-то скверно. Фу.

- Давай тебе скорую помощь вызовем. Это у тебя, наверное, давление.

- Скорая помоч! Скорая помоч! Нора заболела! - рассмеялась Шура.

- Чего?

- Псы... Псы... Инглубагла...

Тетьшура пугливо зыркала, крестилась, плевалась, кривила лицо, вставала рядом с сундуком и постоянно раскачивалась, раскачивалась.

- Шура, ты чего это? Шура...

- Ин-глу-баг-ла, - ответила она уже не ему, а куда-то в потолок, с трудом выговаривая каждый слог.

- Тьфу ты, блин, а я и телефон не взял! Давай, с тобой на улицу пойдём?

- Люди... Святые люди...

- Шура, пойдём на улицу. Там воздух свеженький. Пойдём?

- Ы... Люди...

- Конечно, люди. Там люди. Голова у тебя там болеть перестанет. Пойдём.

– Огуречик... Ы... Огуречик... Огуречик...
Ы... Инглубагла... Люди... Люди...

33

С чего я взял, что это – сон?

По каменной брусчатке площади всего-то навсего шли кони в валенках. Безупречно реальная картинка для своего времени, пускай и с несколько чудным оттенком. Это как посмотреть. Реальность иногда выглядит причудливее любой фантастики.

Белоснежные шлемы наездников и вправду делали их облик чуточку мифическим. А тут еще эта туманная дымка, совершенно по-киношному размывающая линии.

Слегка расплывчатый, довольный и дородный милиционер в белой парадной форме весело махал рукой детенышу в окошке мезонина, а тот размахивал ручонками в ответ. Ничего необычного. Солнце уже прикоснулось к обоим, и с площади заканчивал стекать рассветный розовый туман, возвращая привычные краски домам и деревьям.

Конный патруль давно скрылся из виду, растворившись в запасниках памяти, но его гулкий звук остался со мной навсегда, он не пропал.

Похоже, он бессмертен:
– Тук-тук... тук...

© Сергей Платон (С.В.Платонов), автор.

Сергей Владимирович Платонов (литературный псевдоним Сергей Платон) – профессиональный актер, режиссер, автор. Учился на отделении актеров театра драмы и кино в ЯГТИ и на режиссерском отделении ВГУ им. Шуккина. Преподавал практическую режиссуру в ЕГТИ.

Живет и работает в Екатеринбурге. Постановщик спектаклей и шоу-программ. Разработчик многих рекламных проектов. Автор книг "Рекламная реальность", "Рекламистика", «Инглубагла», пьесы "Существо", повести "Театральные каверзы", пьесы "Шаркунок", пьесы "Ремонт часов" (в соавторстве с Марией Улыбышевой), а также сценариев, статей, рассказов, миниатюр.

Финалист драматургического конкурса «Действующие лица» (пьеса «Существо»), Литературного конкурса «Белый шкаф» (повесть «Театральные каверзы»), «Каверинского литературного конкурса» (повесть «Стеклобой»).